

Евгений Башкарев

ДЕДУШКА, НЕ СПИ!

Евгений Башкарев

Дедушка, не спи!

«Издательские решения»

Башкарев Е.

Дедушка, не спи! / Е. Башкарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965972-9

Жил-был строгий безжалостный командир. Однажды в его роту попадает родной внук. Решаясь воспитать его по суровым военным законам, командир устанавливает новые порядки и доверяет власть тем курсантам, в ком проявляется жестокость и вероломство. В ходе событий потомок командира роты узнает о странной гибели одного из курсантов. Преодолевая травлю сокурсников, он пытается найти разгадку его смерти, ибо душа мальчика не отправилась на небеса, а ее присутствие в роте приводит к страшным последствиям.

ISBN 978-5-44-965972-9

© Башкарев Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дедушка, не спи!

Евгений Башкарев

© Евгений Башкарев, 2019

ISBN 978-5-4496-5972-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

С момента написания первой строчки романа «Дедушки, не спи!» минуло уже много лет, но до сих пор, мне хочется кое-что в нем подправить. Наверное, такова судьба каждой книги, где события тесно связаны с придуманной жизнью. Чтобы разобраться в ней, нужно время, а, чтобы описать ее, нужен опыт. И даже, после того, как текст собран, и в нем проявилось все, что хотел сказать автор, наступает час мелочей, без которых книга выглядит, как букет с завядшими цветками. «Дедушка не спи!» – мой первый роман, составленный из отрывков воспоминаний о морской академии, где я жил и учился с 2007 по 2013 годы. И пусть я обязан утверждать, что *все его герои вымышлены и события являются исключительной фантазией писателя*, на самом деле, это не совсем так. Оставим этот вопрос на обсуждение тех, кто, действительно, найдет здесь себя. Их будет не много, но без их влияния эта история не получила бы своей развязки.

Формально я разделил роман на две отдельные повести. В первой происходит настоящее, во второй события пятилетней давности. Причиной тому послужила неразрывная связь сюжетной линии, из-за чего я был вынужден податься в отступления. Уверен, Читатель поймет, почему я сделал именно так, хотя первоначальное мнение, скорее всего, будет противоположным.

В конце этого послания, чтобы найти публику по интересам и не утруждать людей, не связанных с данным жанром, углубляться в это произведение, замечу, что тематика книги немного размыта. Я не могу с уверенностью сказать, что Вы держите в руках фантастический роман, как и не могу заверить в том, что Вас ожидает буклет современной российской прозы. Здесь я попытался найти место всему. От жизни обычных курсантов, до привидений, блуждающих по коридорам ротных помещений. От реального мира, до мира, существование которого подвергают сомнениям. Я вошел туда сам, и теперь предлагаю войти Вам.

Евгений Башкарев.

Пролог

Первый раз дедушка попал в больницу в семьдесят четыре года, и вряд ли он благодарил судьбу, что та оставила его живым. Я всегда помнил его грубым, злым и недовольным. Когда он кричал на меня, от ненависти содрогалось все его тело. А говорить спокойно он вообще не умел, и, представьте себе, какого было стоять с ним рядом, когда он пытался тебе что-нибудь объяснить. Еще тогда, в далеком детстве, мне казалось, будто его голос ставит над людьми какие-то рамки. Стоило громогласному тону понестись по округе, как даже птицы замолкали на ветках до тех пор, пока дедушка не останавливал свою речь. Было в нем нечто страшное и угнетающее, чего я боялся с пеленок. В дальнейшем тот страх перенесся в обыденную жизнь, и пока я выросл, папа вбивал мне в голову, что таким дедушка стал только после войны. До войны он был спокойным, миролюбивым человеком, кому и в голову не придет кого-нибудь напугать или ударить.

Забегая вперед, скажу, что оценка человека ребенком есть большая ошибка, и не стоит доверять ей все. Наши родители и близкие запоминаются в детстве несколько иными. Отец утверждал, что человеку суждено меняться со временем, и эти перемены не заметны, если видеться с ним каждый день. По стечению обстоятельств я не виделся с дедушкой очень долго. Спустя годы он стал командиром моей роты, и, представьте себе, *в нем не изменилось ничего!*

Итак, мой дед был военным. Молодые годы он провел в Афганистане и, разумеется, тяжелая жизнь в тех условиях, не могла не оставить свой отпечаток на его дальнейших поступках. Война ушла в прошлое, его перевели в тыл, и через несколько лет он оказался на том месте, где, по несчастью судьбы, нас связала совместная дорога.

Впрочем, пройти далеко вместе, мы так и не смогли. Я помню, как мне позвонил отец и сказал, что дедушку разбил паралич. Его доставили в городскую больницу на машине одного из курсантов, и как только он пришел в себя, первое, что произнес, было мое имя. Это редкое событие не ушло из моего внимания, вот, по какой причине. Дело в том, что имена для дедушки представляли такую же необитаемую вселенную, как политика для африканских туземцев. Он был убежден в том, что человек – это солдат, и ему полагается иметь только *одно* отличительное наименование, коим служила фамилия. Любой солдат, как собака, должен откликаться только на *один* распорядок букв, и чем короче он будет, тем легче его запомнить. Поэтому, не стоит сомневаться, мой дед никогда не называл своих подчиненных по именам. Он их даже не знал, и как только отец сказал мне, что он произнес мое имя, я был удивлен не меньше, чем звонку с того света или признанием какой-нибудь ошалевшей девочки мне в любви.

Я примчался в больницу и впервые очутился в той ситуации, когда не сразу понимаешь, как себя нужно вести. Я даже не знал, что с собой нужно брать, и явился с пустыми руками, как обчищенный разбойниками гонец. Дедушка лежал на белых простынях с закрытыми глазами и распахнутым ртом. Его губы подрагивали, словно он беззвучно молился, скулы глубоко ввалились внутрь, седая неопрятная щетина поднималась от подбородка к вискам и частично скрывала бледность кожи. На лбу появились глубокие морщины. Глядя в его серое иссохшее лицо, я бы сказал, что он уже умер. И вероятно так и было. Во всяком случае, я смотрел на него, как на покойника, и только отец продолжал смачивать его лоб влажным полотенцем, точно еще не знал, что все уже кончено.

– Он упал в своей канцелярии, – сказал отец, не поднимая головы. – Что-то доставал из нижних ящиков комода... Потом его нашли курсанты.

Он пошевелился. Это движение далось ему с таким трудом, будто его тело сковывало болью. Он выглядел не намного лучше дедушки, и с первого взгляда, я подумал, что его скоро хватит удар. Отец был настолько поникшим и отяжелевшим, словно не спал несколько ночей подряд.

Я присел рядом.

– Насколько все серьезно?

– Врачи сказали, что его состояние не улучшается. Он, то приходит в себя, то уходит куда-то.

Вентилятор в дальнем углу палаты развернулся в нашу сторону и дунул что есть силы, откинув край простыни. Прохладные потоки воздуха прошлись по коже. Дышать стало легче, и отец продолжил:

– Никто не может предвидеть, что будет дальше. Его жизнь висит на волоске, а у врачей не хватает смелости сказать даже это.

Он посмотрел на меня так, словно уже видел конец. Угасающий луч солнца лег на его лицо. Я не знал, что ему ответить. Дедушка выглядел ужасно, отец был разбит, солнце садилось, и на нас словно опускался занавес. После некоторой минуты молчания отец попросил меня об одной вещи:

– С ним надо остаться, – его голос заметно ослаб.

Он приложил полотенце к сухому лбу, лицо дедушки не изменилось. Я не понимал, что в тот момент было тяжелее. Смотреть, как умирал дед или как переживал отец. И то и другое оставляло на душе глубокий след.

– Просто посидеть с ним рядом. Возможно, он заговорит. Попросит что-то. Или скажет какую-нибудь грубость. Не бери это близко к сердцу. Не отвечай ему, если не хочешь. Просто посиди рядом. Я работаю сегодня в ночь. Если я выпрошу отгул, начальник ужесточит расписание, и любой следующий прокол будет для меня последним.

– Я останусь, – мне больше всего не хотелось этого делать. – Нет проблем, па. Я посижу здесь до утра.

Оставаться с дедушкой один на один, даже зная, в каком состоянии он находится, было пыткой. За прошедший год, проведенный в его роте, во мне многое поменялось. К тому же было то, за что я бы никогда его не простил.

– Спасибо, – прошептал отец. – Мне больше не на кого положиться.

Он обнял меня. Я услышал, как бьется его сердце. Солнце стало еще на одну секунду ближе к закату. Палата медленно погружалась во мрак.

Когда отец отпустил меня и, прощаясь, навис над дедушкой, я вспомнил обложку альбома Pink Floyd «Wish you were here», где среди фермерского уголья, пропитанного летней жарой, запахом соломы и пыли, в плену собственных мечтаний кружилась молодая пара. Я подумал, что когда-то мы были такими же счастливыми и свободными, как они. Сейчас, глядя на отца, я понял, как все изменилось. Все клонилось к жестокой реальности, точно кто-то переместил путевую стрелку на обреченную кольцевую дорогу. Тогда-то меня и коснулось, будто это мой долг. Мой долг просидеть с дедушкой, возможно, его последнюю ночь. Я не знал, больно ли ему или легко. Не знал, слышит ли он нас или нет. Мне хотелось до него дотронуться, и вероятно, будь он мне трижды не знаком, я бы на это осмелился. Но то, что произошло между нами за прошедший год, создало невидимую преграду, которая отталкивала меня от его кровати, словно это был вовсе не мой дед, а чудовище из ужасного фильма.

Мы сидели друг напротив друга и молчали. Я следил, как грудь дедушки поднималась и опускалась. Его руки лежали параллельно телу, пальцы сводила дрожь. Отец сжимал их в своих ладонях, точно пытался успокоить, но пальцы его не слушались.

– Никогда не думал, что паралич это так страшно, – в глубокой тишине произнес он.

До меня дошло, что в мире нет места, где бы тишина действовала более угнетающе, чем в больничной палате. Здесь все сливалось воедино, а граница между жизнью и смертью казалась особенно тонкой.

Через несколько минут отец ушел.

Глядя на то, как он закрывал дверь, я подумал, что эту дверь он уже никогда не откроет. К тому времени как он вернется, дедушка будет лежать в другом месте. Снова стало тихо. Я слышал гул вентилятора и чувствовал, как потоки прохладного воздуха отталкивают меня от кровати. Город был далек отсюда, и шум растворился, как капли воды, падающие на раскаленные угли.

Следующие полчаса я смотрел на дедушкино лицо, полное сожаления и раскаяния, будто и не было тех семидесяти четырех лет, большую часть из которых (я был убежден) он издевался над своими подчиненными. Его грудь едва вздымалась и опускалась, а тело выражало слабость и незащищенность. Я думаю, если бы сейчас он увидел себя со стороны, ему бы захотелось застрелиться.

Два часа прошли в бездонной пустоте. Стемнело, сумрак окутал палату, и мне пришлось открыть дверь в коридор. Около полуночи меня потянуло в сон. Я сел на стул и, положив голову на кровать, задремал. Мне слышались стуки его сердца. Слабые, но частые. Позже моя голова очутилась на его руке. А в три часа я очнулся, будто разбуженный чьим-то присутствием.

В голову лез дурной сон. Я увидел Рамилку. Он сидел в дебрях дикой ежевики, а на его руках лежал мертвый пес. Рамилка плакал и поддерживал голову собаки, чтобы та не откидывалась назад. Из носа пса текла кровь, а мой друг, измазанный, скорее всего, той же кровью, утирал собственные слезы и дрожал от страха.

Когда я оторвал голову от кровати, и встряхнулся, чтобы прогнать ужасное сновидение, дедушка шевельнулся. Его глаза были открыты и смотрели в потолок, где на старой штукатурке виднелись желтые следы дождевых потеков. Нижняя челюсть отпала, и дедушка жадно хватал воздух. Он задыхался, и я уже хотел бежать за помощью, но тут челюсть захлопнулась. Дедушка, точно кит, вобравший в себя столько воздуха, сколько требовалось, чтобы уйти на дно, успокоился. Теперь он смотрел на меня, и в его взгляде вновь читалось прежнее упрямство и злость.

– Ты... – произнес он, и я подумал, что бы сделал отец, если бы узнал, что дедушка заговорил. – Х...й березовый, остолоп, дерьмоед, черт бы тебя побрал!!!

Он почти шевельнулся. На лице отразилось былое омерзение, словно его опустили в колодец с вонючей водой. Густые брови всплыли над широкими глазами, край левой ноздри задрался. Его физиономия ожила, как после долгого сна, но еще не пришла в полный порядок. Было видно, что сознание к дедушке вернулось, и теперь он испытывает некоторый дискомфорт по причине утраты части своего тела. Он не мог повернуться, не мог сесть, не мог даже согнуть руку, в то время как ярость, рвущаяся изнутри, требовала все и сразу.

Я отодвинулся от кровати, и тут произошло нечто.

– Принеси мне выпить! – грубо произнес дедушка и схватил меня за руку.

Да, это ему удалось. Он оторвал руку от кровати и вцепился в мое запястье, но его хватка оказалась настолько слабой, что пальцы, противясь воли, соскользнули и шлепнулись обратно на простыню. Дедушка захрипел. Он напрягся, выражая такую мощь, будто высекал из камня молнию, но после двух-трех секунд отчаянной работы над собой, лишь пустил по подбородку слюну и со стоном опустился на подушку.

– Лежи спокойно, – произнес я, и его глаза вспыхнули. – А не то позову доктора, он перевернет тебя на живот и сделает укол. Или даже несколько, если ты не уймешься и будешь противиться его действиям.

– Я вас всех передую! – медленно и отчетливо проговорил он, и вероятно так бы и сделал, если бы не силы, которых у него не осталось. – Твари! Что вы со мной сделали?!

Его глазные яблоки закружились. Он попытался заглянуть в начало кровати. Ему было непонятно, почему ноги не подчиняются его приказам. Потом его взгляд сместился в бок. Ему ответили пальцы рук, но не более того. Паралич еще жил в его теле, но дедушка этого не осознавал.

Я присел на кровать и продолжил:

– Сейчас моя очередь с тобой говорить. Станешь ли ты на ноги или нет, уже не в твоей воле. А сегодня ты меня слушаешь.

Он поднял на меня безумные глаза.

– Ах ты, сопляк! Принеся мне выпить!!!! – тот голос, под чьим давлением я провел часть своего детства, задел меня. – Дай мне выпить, чертов ты идиот!!! Хренодел!!! А не то я накажу тебя по уставу, сукин сын!!!!

Да, так он любил меня называть!

Чем яростнее он напрягал голосовые связки, тем краснее становилось его лицо. В конце концов, дедушка забился в кашле, и я понял, что можно начинать. В этот момент я еще ощущал некий трепет, будто старый командир мог поставить меня в наряд, запереть на сутки в подвале или выставить перед всей ротой на посмешище. Чуть позже приступ кашля прошел, и на его физиономии отразилось обреченность. И страх оставил меня. Я почувствовал, как мою душу освободили. Вывернули наизнанку, пропустили через стиральную и машину и отдали назад.

– С каких пор ты перестал мне подчиняться, говнюк!? – прошипел он.

Его лицо вспучилось, как пропавшая тыква, и мне показалось, что волосы на его голове встали дыбом. Он был взбешен.

– Так рад за тебя, дед, – я вдруг рассмеялся. – Наконец-то ты дашь мне слово.

Он никак не отреагировал. Только дышал, а воздух свистел в его ноздрах, как в пустом колодце.

– Я дам тебе шанс сгонять в ларек за бутылкой! – его верхняя губа задралась в собачьем оскале. – Не глупи, малыш! Сделай дедушке одолжение!

Я понял, что покидать мир он уже не намерен. У его ангелов имелся свой план действий, и наши желания в корне не совпадали.

– Нет, не сделаю, – мне хотелось, чтобы он пробудился, и понял, что каждое мое слово имеет значение. Теперь он сам находился в роле подчиненного, и для него это было пределом. – Я хочу, чтобы ты кое-что вспомнил. И дал мне ответ.

На каменном лице дернулись жилки.

Когда я начал рассказывать, дедушка внимательно слушал. Его веки уже не закрывались. Он дышал то ртом, то носом, и воздух одинаково свистел, вбираясь в его ослабевшую грудь.

Часть первая Друг и призрак

Глава 1 Заселение

Как уже говорилось ранее, с дедушкой по папиной линии мы не были в хороших семейных отношениях. Мы никогда не гуляли в парке, никогда не ходили на море и очень редко сидели за одним столом. Я не переносил его общество, и он всегда представлялся мне сложным непредсказуемым человеком, требующим к себе особого внимания. Хотя папа и говорил, что это не так, каждый раз, как только какое-либо событие сводило нас вместе, я убеждался в своей правоте. Конечно, тогда я был еще ребенком, и говорить о том, что мне что-то удавалось осмыслить, нельзя. Зато я, как и все дети, умел чувствовать. И я чувствовал от дедушки скрытую угрозу. Иногда, здороваясь с ним, у меня зарождалась мысль, будто он хочет меня продать. Сунуть в мешок из-под сахара и закинуть к кому-нибудь в грузовик.

Мне было неуютно находиться с ним рядом. И за все детство я помню только один-два случая, когда родители оставляли меня на попечение деда, а сами уезжали решать свои вопросы. В доме всегда было темно и сыро. Хозяин пил и курил, не вставая с кровати, из-за чего в комнатах стоял отвратительный запах. Он разрешал мне выходить из дома только если ему требовалась помощь в огороде. Все остальное время мы сидели взаперти. Причем он спал, а я находился у окна, выглядывая своих родителей. В дедушкином доме меня никогда не оставляли на ночь, потому что мама боялась его не меньше, чем я.

В 1995 году мои родители развелись. Суд оставил меня с мамой, и с того момента мой дед, который был и до этого агрессивно настроен к моей матери, словно стал ждать.

Я до сих пор помню, как зажглись его глаза, после того как судья объявил решение. Он удалился из здания суда с высоко поднятой головой, не дожидаясь, что папа пойдет за ним. Папа поблагодарил своего адвоката и несколько минут простоял с мамой, обсуждая что-то личное, чего я не должен был слышать. Мне казалось, что ничего особенного не произошло. Я был слишком мал, чтобы осознавать, насколько важно, когда родители живут в любви и согласии. На тот момент я рассуждал, как самый обычный ребенок. Семья раскололась, но это никак не помешает жить дальше. И, наверное, все бы так и произошло, если бы спустя много лет, я не поступил в морскую академию.

Я мог уехать в Краснодар, взяться за учебу в каком-нибудь гражданском ВУЗе на бюджетной основе, но почему-то этого не сделал. Судьба словно возвращала меня на старую дорогу, и я еще не осознавал, что она принадлежит не менее старым колесам. Я просто шел вперед, и был счастлив оказаться в объятиях такой огромной академии, с такой славной историей, и таким обещающим будущим. Я не думал о том, где буду жить, и чем буду занят. Меня интересовала лишь будущая профессия. И я не видел вокруг ничего незадачливого, плохого и уж тем более жестокого.

Я мечтал быть капитаном судна, носить белую рубашку и курить толстые сигары. Мечтал вдыхать свежий бриз, купаться в открытом океане и видеть зеленые островки из книг Хемингуэя. Я мечтал о девушках, безумных от моряков, о теплых землях и беззаботной жизни. Я мечтал еще о многих вещах, и когда на финальном собрании прозвучал приказ о том, что меня зачисляю в ряды первокурсников, я был бесконечно счастлив. Жизнь словно дала мне шанс.

Конечно, ни одно из вышеперечисленных мечтаний не сбылось. Во-первых, я не прошел на судоводительский факультет из-за медкомиссии, и по состоянию здоровья меня определили в механики. Во-вторых, свежим бризом если где-то и пахнет, то только на прогулочных яхтах. А там, где люди работают, стоит стойкий запах топлива, краски и отработанных газов. В-третьих, купаться в открытом океане смертельно опасно, и девушки давно смотрят на моряков, как на отбросы. Можно придумать еще кучу оправданий, почему не стоит связывать свою жизнь с морем, но тогда я почти ничего не знал. Я был проникнут желанием стать самостоятельным, и даже не подозревал, кто меня будет этой самостоятельности учить.

31 августа 2007 года я прибыл в академию и присоединился к остальным ста двадцати курсантам судомеханического факультета. Мы готовились к заселению и стояли на небольшом плацу в ожидании командира роты. В этой толпе я не находил ни одного грустного лица. Ребята словно прибыли после победы на чемпионате мира. Все веселые и воодушевленные. Кто-то смеялся, кто-то шутил, кто-то жестикулировал, кто-то свистел, кто-то орал. На плацу стояли родители, чье настроение было пусть и не таким ярким, но точно положительным. Светило жаркое солнце, и всем казалось, что лето не закончилось, и начало нового учебного года – это такой же красочный этап, как встреча очередного рассвета где-нибудь в горах или на море.

Но веселье длилось не долго. Ровно в двенадцать на плацу появился человек в военной форме. Представившись начальником строевого отдела, он попросил родителей попрощаться с курсантами и покинуть плац. Так толпа уменьшилась и вскоре вообще перестала быть толпой. Командой «становись» начался длинный процесс организации распорядка дня и распределения в ротных помещениях.

Начальник строевого отдела говорил долго и нудно. Кто-то в строю даже попробовал закурить, а солнце успело скрыться за пятиэтажную казарму. Глядя на его свинцовое лицо, я решил, что этот человек был довольно опытен в воспитании солдат, и сыграет неотъемлемую роль в нашей дальнейшей жизни. Еще тогда мне в голову пришла мысль, что он станет нашим командиром, ибо какого черта он говорит так долго о вещах, которые нам триста лет не нужны. Но перед тем как его речь завершилась, и он убрал со лба выступивший пот, пришел другой человек. Узнавать его мне не пришлось.

Наверное, было бы это где-нибудь не здесь, я бы почувствовал его на расстоянии, но в первый день заселения, моя голова болела от других мыслей. Я думал о моих товарищах, о том, с кем меня поселят, какой будет учеба и моя собственная жизнь вдали от мамы. Я смотрел на строй поверх голов, надеясь, что здесь и сейчас мне невероятно повезет. И вдруг на плацу появляется мой дед, и начальник строевого отдела представляет его, как командира роты.

Я присел.

В этот момент я почувствовал себя так плохо, будто только что услышал смертный приговор. И хотя еще ничего не случилось, и дедушка, который с ненавистью смотрел на маму

в суде, еще не окрестил меня в изгой, я предвидел, что жить с ним под одной крышей будет не просто. Он все помнит. Он все слышит. И мне казалось, что он все заранее знал.

Отдав приказ, начальник строевого отдела ушел в тень. Командир роты принялся за переключку. Все это время я ждал, что он остановится на моей фамилии, но этого не произошло. Переключка закончилась, и нас отправили на четвертый этаж второго корпуса для дальнейшего размещения.

Нас расселили по четверо. Каждая крохотная комнатка, куда вместили две двухъярусные кровати, стол и шкаф, имела скудный ремонт. Внутри было душно и пыльно. Пахло цементом. И, несмотря на зрительный уют, своим дизайном комнатка больше напоминала камеру для заключенных. Не было в ней ничего светлого. Даже обои были блеклые и потрепанные, словно их откуда-то содрали, чтобы приклеить здесь на время. Окна выходили на восток, откуда открывалась бухта и нависающие над ней горы. С моря на нас смотрели редкие огни промысловых кораблей.

Первое дело, которое мне захотелось совершить еще с порога – распахнуть балконную дверь и впустить внутрь каплю свежего воздуха. Я этого сделать так и не успел, потому что в кубрик зашел мой будущий, и, наверное, лучший за всю академию друг. Его звали Миша Самедов.

По характеру Миша был не импульсивен и не горяч в общении. Он равнодушно относился ко всему на свете, не употреблял в своей речи бранные слова, не умел злиться и отвечать грубостью на грубость. С первых дней он стал ловить на себе внимание не самых хороших людей. На тот период времени мне казалось, что Миша навсегда останется человеком, над которым будут издеваться. Люди, как он – мягкие, но противоречивые. Их сложно раскусить с первого взгляда. Но от них исходит скрытая несокрушимая доброта. Доброта из простоты. Я почувствовал ее почти сразу.

Миша поздоровался, пожал мне руку и занял нижнюю койку одной из кроватей. Следом за ним в кубрик ввалились еще два поселенца. Олег и Игорь. Олег был толстым и высоким. Игорь – щуплым и низким. Когда они встали рядом, натянув на свои лица глупые улыбки, я вспомнил мультяшного «Астерикса и Обеликса» и рассмеялся, насколько они были похожи. Это чертовски точное внешнее сходство, но никак не внутреннее. Внутри этих ребят сидели злые гномы, и, чтобы увидеть их, долго ждать не пришлось. У Игоря был причесон в стиле хиппи, и он все время приглаживал свое достояние, подобно трепетной модели перед выходом на сцену. Олег был выбрит на лысо, и это придавало его голове размер пропорциональный телу.

Надо заметить, что Олег выделялся из толпы еще на вступительных экзаменах. Парень двухметрового роста, весом под сто двадцать килограмм, походил на новоиспеченного чиновника, прибывшего на собрание, и совершенно не понимающего, что на нем делать. Его папа стоял рядом. По комплекции он был абсолютно такой же, как Олег. В руках сжимал кожаную борсетку. На лице хранил неприступность. Я еще подумал, что эти люди приехали «заряжать». Возможно, так и было, мне этого уже не узнать, потому что Олег покинул нас очень быстро. На вступительных экзаменах я бы ни за что не поверил, что он станет жить со мной в кубрике. Но так получилось, нас поселили вместе, и теперь Олег улыбался мне, а я не знал, что делать: радоваться и улыбаться в ответ или сказать что-нибудь. Какая разница. В тот момент ни одно, ни другое не смогло бы стереть идиотской улыбки с его лица.

– Этот тип уже фонарь разбил на площадке, – заявил Игорь, обращаясь то ли к Мише, то ли ко мне.

Но говорил он точно про Олега, который тотчас принялся смеяться во все горло. Когда человек смеется так громко и долго, его смехом невольно заражаются все вокруг. Но с Олегом почему-то все было иначе. От его смеха у меня по коже поползли мурашки. Я не понимал, что может быть смешного в том, что кто-то разбил на плацу фонарь, и теперь на вечернюю проверку нам предстоит строиться в темноте.

– Дебил, – добавил Игорь, а Олег заливался слезами. – Смотри, тут каждая кровать с именем. Все, как я мечтал! Твоя сверху, моя снизу.

Игорь пощупал матрац.

– Только белья не хватает. Твоя мамочка приготовила тебе постелушку?

– Неа, – прогыгыкал Олег и пощупал свой матрац.

– Хреново! – Игорь пошатал кровать. – Надеюсь, она тебя выдержит, дебил!

Он ткнул Олега в живот, и тот снова засмеялся. Поток слез и смеха грозился не остановиться никогда.

– У меня дома кровать на кровать похожа. А это просто улет! Как будто вынесли из тюремной камеры! Будем паровоз ночью делать!

С этими словами он повернулся к нам с Мишей, и мы познакомились.

31 августа начался период, дни которого принято вспоминать больше, чем все остальное, произошедшее за пять с половиной лет. Первые две недели никто из нас не думал об учебе, и, вообще, о том, что как-либо связано с семестровым курсом. О существовании учебников и аудиторий с преподавателями мы узнали только в середине сентября. А пока продолжался период организации строевого порядка.

Именно в тот *период* мы впервые узнали про наряды – единственный и самый действенный метод наказания курсанта.

Еще до того, как я первый раз попал в наряд, мне казалось, что на наказание этот метод никоим образом не тянет. Наоборот, курсант на какое-то время становился ответственным перед ротой, поднимался в ранге и хоть чем-то отличался от остальных. На практике же это обернулось иначе. Сначала в наряд попадали все по списку, и за счет огромного числа людей очередь на данную роль была велика. Чуть позже число желающих стало стремительно таять. А еще позже все поняли, в чем суть бесполезного пребывания на ногах в течение суток, и в нарядах стали появляться только тихие спокойные курсанты вперемешку с теми, кто попал за нарушения.

Основной отличительной чертой курсанта в наряде от свободного счастливого человека была повязка на рукаве. Если я видел курсанта с красной повязкой, без сомнения, он учился на первом или втором курсе. Вид у него был соответствующий. Замученный, не выспавшийся, испуганный и растерянный. Иногда он даже с трудом понимал, куда идет.

Помимо красной повязки существовала еще и синяя. Синюю доверяли дежурным по роте и корпусам. Толку от нее было не больше, чем от красной, но на первом курсе, когда многие правила мы придумывали себе сами, синяя повязка давала шанс приказывать. А значит – ничего не делать. Не убирать галюны, не чистить мусорные баки, не мыть полы, не стоять вахту. Не делать ничего, что входило в ассортимент неудачника.

На первом курсе синяя повязка была вроде защитного тотема, но и то время длилось недолго. Скоро все поняли, что в каком бы облике ты не попал в наряд – это всегда плохо.

Уже с первой недели в академии избавляться от нарядов любыми возможными способами – стало принципом выживания. Одни не хотели стоять вахту, потому что это мешало нормальному препровождению суток. Другие боялись пропускать занятия, третьи хотели казаться выше остальных. От нарядов никого не освобождали просто так. Любой, кто удосуживался привилегии, имел какой-то вес, а, следовательно, от него что-то зависело. Таких халявщиков набиралась половина роты. Все что оставалось другой половине, стоять наряды за тех, кто это делать отказывался.

Надо заметить, что распорядок дня в морской академии имел отличия от распорядка дня в обычных гражданских институтах. Рабочий день у курсантов стартовал в шесть тридцать утра с зарядки. Чтобы разбудить людей вовремя, дневальный по роте начинал выколачивать двери всех кубриков заблаговременно до положенных шести тридцати. А так как в кубрике проживало всего четыре человека, а в роте нас было сто двадцать, несложно представить, какой

путь преодолевал суточный наряд, чтобы разбудить всех. А особенно тех, кто просыпаться не особо хотел.

В моем кубрике имелись ребята, совершенно не переносившие утро. Олег и Игорь являлись коренными жителями Новороссийска, привыкшими к шуму, веселью и длительному ночному бодрствованию. Нежелание кому-либо подчиняться я почувствовал с начала знакомства, настолько они были упрямые и самоуверенные. Чуть позже время начало проявлять их качества, и я в этом еще раз убедился.

Так как они быстро стали первыми друзьями старшин роты, и притягивали к себе весь смазливый контингент курсантов, мы были вынуждены мириться со многими вещами. Вечерние посиделки, которые устраивали их друзья после отбоя, затягивались до середины ночи. Не спал никто. Они обсуждали события прошедшего дня, разговаривая и смеясь так громко, что за стенами не могли заснуть даже соседи, а мы, уткнувшись подушками с большими уставшими головами, внимали их истории. Ребята считали, что чем дольше гудеть ночью, тем крепче будет остаток сна перед зарядкой. Когда друзья покидали кубрик, Олег и Игорь засыпали, как ударенные. В чем-то они были правы, рассуждая на тему сна, но я сомневался, что за три-четыре часа они высыпаются перед рабочим днем.

В середине сентября началась учеба, и стало чуточку легче.

Легче стало еще и потому, что произошло расслоение. Местные и иногородние разделились. Олег и Игорь жили в городе и день через день после вечерней проверки убегали домой. Мы с Мишей оставались одни, и кубрик словно обретал новую жизнь. Друзья наших товарищей стали приходить реже, и сон по ночам удлинился. Словом, случилось то, что мы так долго ждали. Пришла свобода. Хотя свобода являлась только по ночам и на ограниченный промежуток времени, рота словно выдохнула.

Иногда я задумывался, почему в казарме становится так спокойно без местных? Можно было вспомнить о многих почему, но ответ все равно будет один. Местные не считали казарму своим домом. Ведь их личных вещей здесь нет. Их дом в городе, и они по-прежнему воспринимали роту, как детский лагерь, где можно орать, громить и веселиться. Здесь можно все, только делать это приходилось в секрете от командира роты.

Да, здесь было не скучно. Но не для всех. И уж точно не для тех, кто стоял в нарядах. А так как в основном вовлеченными в это являлись иногородние, местным становилось только веселее.

Глава 2

Внутренний засов

У Миши с детства был дефект речи, из-за которого он боялся говорить с людьми. Он заикался, и это носило особую внутреннюю сложность для него самого.

Как-то раз, еще в начале сентября, в разгар оргпериода, я зашел в кубрик и стал свидетелем сцены, где Олег и Игорь пробовали себя в роле Миши. Игорь сидел на стуле напротив, а Олег занял место на Мишиной кровати, плотно прижав того к стенке.

– Ведь м-м-м-ы друзья, – тянул Игорь, шлепая губами. – М-м-м-ы одн-н-а ком-м-м-м-анда! Ты что, не с нами?

– С в-вами, – с испугу отвечал мальчишка.

Когда Миша волновался, его речь приобретала жуткий оттенок. Самые плохие стороны накладывались друг на друга, создавая такой резонанс, что он просто не мог думать. В результате, он часто отвечал невпопад. Ребят это забавляло, и они, перековеркивая его говор, гнули свою линию.

– С на-а-а-ми? – квакал Олег. Голос его был на редкость высокий и грубый.

Игорь внимательно следил за ними с соседней кровати. Если он над кем-то потешался, это никогда не отражалось на его лице. Игорь с самого начала предстал передо мной наиболее безжалостным эгоистом роты. Поначалу его надменность проявлялась лишь в насмешках. Позднее насмешки превратились в упреки, и я понял, с кем имею дело.

– Мишаня, – он плотно сжал губы и глянул на Мишу так укоризненно, будто пытался уличить во лжи. – Мы же без тебя никак. Ты точно не убежишь от нас?

– Не убе-г-г-гу, – ответил Миша.

Зубы его застучали, и Олег занялся дурацким смехом. Смеялся он опять громко и отвратительно, и если бы у нас на окнах стояли цветы, они бы завяли, не дождавшись следующего залпа ужасного звука.

– Не убе-Г-Г-Гу, – повторил Олег. – А почему ты так говоришь, «убе-Г-Г-Гу»?

Миша потер лоб.

– Не прикапывайся к пацану, – кинул ему Игорь. – Мишаня хороший. Да, Мишаня? Ты же хороший?

– Д-д-д-а, – ответил Миша.

– Мишаня, а у тебя девушка есть? – Игорь наклонился к нему, будто хотел, чтобы Миша ответил ему на ухо.

– Че в-в-вы ко мне прика-ап-а-ались, – он заерзал на кровати, но Олег еще плотнее прижал его к стене.

– Мишань, ну? У тебя девочка есть?

– Н-н-е.

– Ннн-е-е! – передразнил его Олег.

– А почему?

– Нн-е знаю, – лицо Миши залилось краской.

Я чувствовал, как тени ребят медленно повисли над моим другом. Что-то неравноправное между ними уже началось.

– Ну, мы ж команда, Мишань. Мы тебя выручим! Не бойсь! Если мы тебе девочку приведем, ты ее тут загнешь?

Глаза Миши выкатились на лоб. Он не хотел отвечать. Беседа доставляла ему дикое неудобство. Еще большее неудобство доставлял ему Олег, который так тесно прижимал его к стене, что у него не оставалось другого выхода, как сидеть и наслаждаться вопросом товарищей. Периодически Олег хлопал его по бедру, и Миша подскакивал, как на надувном мат-

расе. Я не понимал, больно ему или нет, но подозревал, что рука Олега имела немалый вес, благодаря чему каждый шлепок можно было услышать из соседнего кубрика.

– Ну так что, Мишань? Загнешь!?

– Что-о?

Игорь надорвал грудь. Олег шлепнул Мишу по бедру и залился смехом.

– Я говорю, отшпилишь девочку, если мы приведем?

– Нн-ее, – и тут Миша словно проснулся. Грудь его задрожала, и он изо всех сил протянул: – Че вы ко мне прис-с-стали!

– Мы же команда, Мишань. Мы должны быть ближе друг к другу.

Миша отвернулся к стенке. Я решил, что разговор исчерпан и вышел на балкон. Но Игорь не отступил. Таким ребятам вообще сложно утолить жажду бесполезного общения. Игорь был нудным и навязчивым, если не доводить дело до драки. Только тогда он давал задний ход своим мыслям.

Он подсел к Мише и положил руку ему на бедро. Действие напоминало выход добровольца навстречу испытанию.

– Мишань, – детским голосом произнес Игорь, после чего и вовсе перешел на тон, словно сюсюкался со своим ребенком. – Так хорошо?

Он принялся массировать ногу Миши, сжимая пальцы настолько сильно, насколько позволяла тонкая худошавая рука. На его лице появилось нечто похожее на улыбку. Но все это очень напоминало театр. Вскоре улыбка исчезла, и его рот вновь превратился в прямую линию. Резким движением Игорь схватил Мишу за ягодицу, и сдавил так, что мальчишка вскрикнул.

– А так? – процедил Игорь. – А так хорошо?!

Миша попытался сесть, но тяжелая рука Олега вернула его обратно. Его перевернули на живот, Олег навалился на ноги, а Игорь стал водить костяшками пальцев по ребрам.

– Щекотно, Мишань? Тебе щекотно?

– Нет! – выпустил Миша.

– Не-е-е-е-т! – прогрохотал Олег и заржал, как конь, пришпаренный раскаленным железом. Он смеялся и подскакивал, отчего боковины кровати бились о стену и делали в обоях дыры. Игорь налегал на ребра все сильнее, пока Миша не закричал.

– Перестаньте! – я ввалился в кубрик и захлопнул балконную дверь.

Олег меня даже не заметил, а вот Игорь обернулся, и я увидел, с каким глубоким хладнокровным достоинством он воспринял мои слова.

– Что хотел Денис? – всякий раз он обращался ко мне именно так, хотя в этом не было необходимости.

– Перестаньте донимать его!!! – выкрикнул я.

Игорь вытянул шею. Его брови изогнулись, являя некое подобие изумления. Он переглянулся с Олегом, который, наконец, понял, что в кубрике они не одни, и кто-то жестко нарушает их веселье, и сказал:

– А мы его не донимаем, – он повернулся к Мише. – Мишань, мы тебя донимаем? Мы же просто играемся. Верно?

Миша промолчал. Игорь решил, что ответ положительный, и адресовал его мне.

– Убедился?

Олег сполз с Мишиных ног. Кровать скрипнула, отклонившись от стены.

– Вам пора на построение, ребята, – сказал я.

Игорь, не привыкший, что ему указывают, усмехнулся.

– Куда нам пора?

– На построение, – повторил я. – Послеобеденное построение начинается в четырнадцать двадцать. Командир роты обязательно устроит переключку...

– Мы сами знаем, когда и куда нам идти, Денис, – заявил он. – А ты можешь собираться уже сейчас. Или тебя дедушка освободил?

– Я в наряде. Если ты не заметил.

Это их успокоило. Олег глянул на часы, понял, что они засиделись, и, одеваясь на ходу, выскочил из кубрика. Игорь продемонстрировал совершенно другую реакцию. Он взял берет, примерил его перед зеркалом, долго выискивая положение, при каком бы берет смотрелся достойно, вытер ноги об коврик перед дверью, будто бы полы в кубрике были грязнее, чем в коридоре, и на прощание приложил руку к голове.

– До скорого.

Когда кубрик опустел, Миша спустил ноги на пол и посмотрел на меня. «Со мной все нормально», – с невыразимой иронией говорил его вид. На самом деле он был бесконечно рад этому мгновению. Ничего не сказав, он лег на подушку, потирая больные места.

«Вчера они завернули тебя в матрац, и это было *больше* похоже на шутку. Сегодня они перебрали»

Я вышел на балкон.

Под вторым корпусом выстроились две роты. Перед строем роты механиков стоял мой дедушка и зачитывал списки личного состава. Того, кто отсутствовал, он ставил в наряд, и таким образом новые дневальные были известны даже тем, до кого наряд не доводили. У дедушки была характерная привычка никогда не зачитывать фамилии повторно, поэтому тот, кто опаздывал, ничем не отличался от тех, кто не являлся на построение вообще. Когда Олег и Игорь выбежали из кубрика, командир роты уже проверил их группу, и я понял, что сегодня наш кубрик опять не будет спать. Их имена уже были в списках. Оставалось только узнать, в какой наряд их определят. Одна мысль доставляла мне удовольствие. Была пятница, и, если Олег и Игорь отстоят наряд с пятницы на субботу, то выходные они проведут дома, а мы в спокойствии и тишине останемся в казарме.

После построения курсантов никто не отпускал домой. До пяти часов вечера все должны были работать на территории академии.

Весь сентябрь стояла аномальная жара, и сейчас, в черных беретах и плотных курсантских рубашках, ребята парились под солнцем, ожидая распределение на работы.

– Дэн, – окликнул меня Миша.

Я выглянул из-за двери.

– Слушай, а ты... он запнулся и подался в свои мысли. – Ты...

– Мне тоже не нравится с ними жить, – ответил я.

В действительности мне не нравились существующие в кубрике порядки. Своим поведением Олег и Игорь рушили между нами равенство, отказывали в малейшей помощи и всячески подчеркивали дружбу со старшинами роты. Для них она значила гораздо больше, чем что бы то ни было. Для нас, равным счетом, ничего. Может быть, поэтому они быстро водрузили над нами контроль, и уже на второй день оргпериода полы в кубрике мы мыли с Мишей вдвоем.

– Мне тоже не нравится с ними жить, – теперь я признался самому себе, но на душе легче не стало. Наоборот, вернулось ощущение, что я здесь лишний, если не могу вести себя как Олег, Игорь и еще многие из их приближенных.

– Мы... – Миша заметался в поисках решения. – Мы могли бы п-переселиться от них!

– Нет, – я вспомнил, как Игорь заявил Мише, что если вдруг по его вине кубрик окажется не прибранным, и их поставят в наряд, ему будет очень плохо. Что сделает, Игорь не уточнял, но Миша его словам верил. – Это не возможно.

– Почему? Ведь к-командир роты твой дедушка! Он...

– Именно поэтому и не возможно, – вздохнул я.

Хотя идея была хорошей. Я бы мог попросить у дедушки, чтобы он переселил наших головорезов к таким же головорезам, как они, а двух спокойных курсантов отправил по обрат-

ному адресу. Тогда всем станет хорошо. Олег и Игорь окажутся в веселой компании, а мы в тишине, а не под прицелом.

– Я открою тебе один секрет. Только ты его никому!

Миша перекрестился, что будет нем, как рыба.

– У нас с дедушкой отношения не из лучших, – произнес я и вдруг почувствовал, что Миша этому несколько не удивлен. – Этого не видит никто со стороны, но это так.

– Из-за родителей?

– Из-за мамы.

Я вкратце рассказал ему историю своего детства. Выслушав меня, Миша спросил:

– Ты больше любишь папу или маму? На чьей ты стороне?

– Я отношусь к ним абсолютно одинаково, – и я несколько в этом не соврал. – Но у меня есть одна точка зрения, которую мама не поддерживает. Я считаю, что без отца сын воспитываться не должен. Девочка, да. Девочка большую часть черпает из матери и учится у матери. А парень – нет. Иногда у меня возникают вопросы, которые я могу спросить только у отца. А его нет рядом. Я уверен, что мамины советы никогда не помогут стать на ноги в обществе таких дебилов, как Олег и Игорь. Мне кажется, что дедушка специально подселил их ко мне, чтобы проучить за старое. Сам представь, если бы ты жил среди них с семи лет, кем бы ты вырос?

– Не знаю, – Миша пожал плечами. – Но точно не так-кими, как они. У нас же своя душа.

– Душа своя, – согласился я. – Ладно, речь не об этом. В общем, пусть то, что мне кажется, мне только кажется, и Олега и Игоря поселили к нам случайно. Но пока дедушка меня учит, у нас ничего не выйдет. Он только обрадуется, если я подойду к нему с такой просьбой. Может быть, он этого и ждет.

– Но ты бы мог хотя бы поп-п-робовать?

Однако, дедушка совершенно этого не ждал. Я зашел в канцелярию после сданного наряда и передал все в точности, как планировал. Чтобы не сбиться, короткую речь пришлось заучить наизусть.

Дедушка сидел за столом, повиснув над очередной газетой, и пускал под потолок клубы сигаретного дыма. Здесь было темно для чтения, но он не торопился включать верхний свет. Интерьер внутри канцелярии поражал своей безвкусицей. Вонь от сигарет перебивала еще более резкий запах старой мебели и книг. Стол давно бы покрылся пылью, если бы не дневальный, ежедневно наводящий уборку. Сам дедушка никогда здесь не подметал, не мыл полы и даже не вытряхивал пепельницу, которая стояла во главе стола, невзирая на то, что во всех помещениях казармы курить было строго запрещено.

Сбоку от главного стола находился компьютер. Он всегда был включен, но кроме фонового окна на его экране редко что-либо менялось. По обе стороны от стола располагались стеллажи с папками. Я не знал, что в них, но судя по тому, как хранились, особой важности они не представляли. Документы, торчавшие из папок, выглядели, как перезимовавшая листва. Смятые, пожелтевшие, порванные. Некоторые из них свешивались с полок, как тряпки, и каждый, кто проходил мимо, случайно задевал и рвал их. И так до победного конца, пока части старых документов не оказывались на полу, и дневальный утренней смены не сгребал их в мусорное ведро.

За спиной дедушки находилось большое окно, но солнечный свет почти не проникал в канцелярию из-за плотной гряды ореховых деревьев, разросшихся целым лесом позади казармы. Когда солнце уходило на запад и лучи все-таки проникали внутрь помещения, происходило настоящее волшебство, и в канцелярии можно было разглядеть не только ее хозяина, но и все, что находилось вокруг него. Дедушка и здесь превзошел себя, и всякий раз, как только это происходило, он закрывал окно полупрозрачными гардинами. В углах снова скапливался

мрак, и курсанты, приходившие на инструктаж перед нарядом, видели одну и ту же картину. Командира роты в атмосфере тяжелого душевного равновесия.

Но главной особенностью канцелярии был вовсе не ее интерьер и прочие мелкие элементы. В своем рабочем доме дедушка хранил тайник, о котором я услышал от одного из своих товарищей. Тайник располагался над компьютером в центре книжного шкафа и, по слухам ребят, уже испытывших на себе характер командира роты, хранил в себе большие запасы дорогого спиртного. Несколько дней спустя после заселения у курсантов появилась примета. Если кто-то заходил в канцелярию и видел тайник приоткрытым – жди беды. Дедушка пьян. А когда он пьян, с ним тяжело разговаривать. Я знал это еще будучи ребенком, и, конечно, был одним из первых, кто эту примету подтвердил.

Сегодня мне повезло. На тайнике висел маленький замочек, а дедушка неотрывно смотрел в газету. Все время, пока я объяснял доводы, по какой причине Олега и Игоря следует переселить в другой кубрик, он, не поднимая головы, читал статью и курил. Я даже подумал окликнуть его, либо попробовать говорить громче, но благоразумие остановило. Я знал, что он все слышит. Меня могли слышать даже те, кто жил за соседней стенкой.

Когда моя речь подошла к концу, и уверенность в себе поугасла, дедушка поднял голову и глянул на меня глазами полными фальшивого терпения.

– Ты знаешь историю про двух лягушек, попавших в стакан молока? – он смотрел на меня, будто намекая, кто здесь кто. – Болтались, болтались две лягушки, пока одна из них не пошла на дно.

– Я знаю эту историю, но к нам она не относится.

– Ошибаешься, – он включил настольную лампу.

В канцелярии стало светлее, но все же, часть жуткого влияния, сконцентрированного здесь повсеместно, продолжала меня пугать.

– Одна из лягушек долго терпела то, что ей не хотелось, – объяснил дедушка.

Дым выходил у него изо рта и носа, и иногда его лицо пропадало из виду. Если добавить ко всему густую тень, расположившуюся на нем подобно черному плащу, то можно сказать, что дедушку я видел, как героя на экране телевизора с испорченной антенной.

Он затынулся, облокотился на стол, и я подумал, что он его либо перекинет, либо развалит. И вдруг дедушка вспыхнул.

– Я не хочу тебя видеть здесь с вопросами подобного рода! – рявкнул он, и от страха у меня подогнулись колени. – Если еще раз тебе в голову придет идея высказать свое мнение о тех товарищах, с которыми я тебя поселил, хорошенько подумай, болван!

Дедушка с размаху всадил сигарету в пепельницу. Несколько окурков выпрыгнули из нее и рассыпались по газете. У меня в горле застрял ком, и как я не старался ободриться, в канцелярии это не получилось.

– Пошел вон отсюда!!! – выкрикнул он, и все закончилось.

Я вышел из канцелярии и несколько секунд простоял под дверью. На душе висел камень. Я изначально знал, что совершаю ошибку. Мы с Мишей словно отважились на риск, который оправдался. И если бы дедушка умел забывать какие-либо вещи, произошедшие в далеком прошлом, то у меня бы появилась надежда, что его внимание к нам не усилится. Но у дедушки была прекрасная память, вопреки тяжелой службе, Афганской войне и алкоголю.

Я зашел в кубрик. Миша лежал на кровати, выуживая дорогие минуты спокойствия. Олег и Игорь разошлись по домам. Возможно, кто-то из них сейчас наслаждался последними днями на море, а мы наслаждались тем, что их не было рядом. В это сложно поверить, но такое чувство, действительно, доставляет удовольствие.

Услышав мои шаги, Миша подскочил.

– П-получилось?

– Нет.

– Что он ск-казал?

– Сказал, что если согласится на одно переселение, то к нему потянутся другие, – соврал я.

Миша опустил голову. В нем горела маленькая надежда. Сейчас от нее не осталось и следа.

– Лучше забыть обо всем этом, – я облокотился на кровать наших товарищей, и в нос ударил кислый запах пота.

Кровати Олега и Игоря были различны.

Олег никогда не менял постельное белье, и его простыни и наволочки отливали едким желтоватым цветом. Олег предпочитал заправлять их только при угрозе проверки кубриков. В другое время его половина кровати представляла собой мятый ком из вороха одеяла и всунутой меж прутьев подушки. Игорь же менял постельное белье при каждой удобной возможности. Чаще всего он просил сделать это Мишу или меня, если мы шли в сторону прачечной. Сам Игорь туда не ходил даже будучи в компании друзей. Наверное, считал неподобающим для своего статуса. Если Игорь замечал, что на его кровати кто-то сидел или лежал, претензии сыпались горой, поэтому каждое утро, заблаговременно до его прихода, мне или Мише приходилось заправлять кровать заново. Игорь в противовес Олегу был на редкость чистоплотным. Причем чистоту вокруг себя он редко поддерживал своими силами. Чаще всего это делал кто-то за него. Например, мы, родители или еще кто-нибудь.

– Они местные, – добавил я. – Будем надеяться, что со временем они переедут домой.

– Точно.

– Правда, мы будем больше них стоять в нарядах.

После короткой паузы мы вдруг рассмеялись.

«Куда уж хуже!»

– Иногда мне кажется, что мы стоим в нарядах только из-за моего дедушки. Если бы ты попал в кубрик с какими-нибудь другими более нормальными ребятами, тебе было бы легче.

– Ничего п-подобного, Дэн! Т-ты же видел списки.

– Сколько раз мы уже влетали вне очереди? Ты просто не знаешь моего деда. Он очень подлый человек.

Миша пожал плечами.

– У меня есть отличная идея, – вдруг спохватился я. – Уже пять тридцать и нам пора на ужин!

Миша поднял руки кверху и прихлопнул.

– Т-точно! Идем!

В тот вечер мы еще не раз вспоминали о наших общих знакомых, пока не настал понедельник.

А в понедельник случилась беда.

В восемь часов утра все роты собирались на центральном плацу академии для поднятия государственного флага. Академический оркестр исполнял гимн, курсанты пели, флаг взмывал в небо, и так начинался каждый рабочий день, насколько я себя помню. После поднятия флага роты шли торжественным маршем, отдавали честь начальнику строевого отдела, и расходились по учебным корпусам. Исключений не делали ни девочкам, ни юношам, ни командирам. Торжественным маршем шли все, и а то, как и кого это получалось, уже другой вопрос. Чем старше курс, тем расхлябаннее выглядела вся рота.

Отношение высших начальников к младшим курсам всегда отражалось на собранности. За двухнедельный период мы хорошо выучили, что на подъем флага лучше не опаздывать. Перед построением командир проверял людей выборочно, после считал всех по головам. Сегодня произошло одно изменение. Переключки не случилось. После поднятия флага командир отправил нас на занятия, а сам устроил плановую проверку кубриков. В конце сентября

ребята еще не пропускали пары и ходили даже на те, где преподаватели не проверяли курсантов по списку. Лекции были скучными. Досиживать их без телефона в руках могли лишь немногие. Впоследствии те «немногие» выйдут на новый уровень. Кто-то станет учиться на четверки, кто-то пойдет на красный диплом, и тогда произойдет еще одно расслоение. Стипендия.

Но в тот понедельник речь об этом еще не велась. Все ждали послеобеденного построения, где командир роты озвучит большой наряд, созданный им из проживающих тех кубриков, где был оставлен беспорядок. Большой наряд делился на пять категорий. Камбуз, патруль, дежурное подразделение, наряд по корпусу и рассыльные дежурного по академии. Всего двадцать три человека, но провинившихся в чем-то и где-то всегда было больше. Как говорил наш командир: «Желающие всегда найдутся, даже если на наряд понадобится вся рота».

– Мы убрались? – прошептал мне Миша, как только мой дед появился в дверях второго корпуса с книгой нарядов в руках.

Строй загудел. Все понимали, что через десять минут кто-то пойдет на уборку и после четырех часов отправится домой, а кто-то пойдет готовиться к наряду и всю ночь и завтрашний день будет впахивать без сна.

– Убрались, убрались, – успокоил я его, ощущая тревогу.

Миша тоже ее ощущал. Миша ощущал многое, что происходило вокруг, словно его сердце обладало каким-то даром предвидения. Сейчас он не просто волновался. Его колотило.

– Успокойся. Все будет норм!

Олег и Игорь стояли впереди нас. Игорь о чем-то беседовал со старшиной роты, а Олега привлекли голуби, собравшиеся в кучу на крыльце перед корпусом. Командир роты, грохнув дверь, распугал пол стаи, и Олега это привело в неопишуемый восторг. Старшина Юра кивнул в его сторону, и они с Игорем тихонько засмеялись. Не с голубей. С Олега.

– Даже если залетели с кубриком, постоим в патруле или на камбузе. У меня уже четвертый наряд. Останется еще один.

– У меня тоже четвертый, – сказал Миша и почесал лоб.

– Пусть так, – я махнул рукой, и командир роты дал команду «Становись!»

После того, как курсанты встали по своим местам, выровнялись и со смирением повернули головы к командиру, кто-то чихнул. Рота засмеялась, но лишь к несчастью неудачника. Через секунду имя курсанта уже было в книге нарядов.

– Чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов, – начал командир, окидывая роту так, словно мы недостаточно внимали его приказанию. – Я зачитываю список кубриков, нарушивших правила порядка проживания. Если кому-нибудь придет в голову оспорить мое мнение или рассказать мне о ваших проблемах, готовьтесь к еще одному наряду. В этом месяце свободных мест предостаточно!

С этими словами его взгляд, полный ненависти ко всем стоящим в строю, опустился на листок. Он уже приготовился читать, но тут его седые брови приподнялись, правый уголок рта скривился, и он вновь воззрился на нас.

– Утром я вас предупреждал, – договорил он, и по роте курсантов прокатилась волна. – Кто наплевал на мое распоряжение, просим на ночную вахту. А перед заступлением в наряд каждый из здесь стоящих продемонстрирует мне порядок в своем кубрике.

Курсанты зашумели.

– Рты закрыли! – рявкнул командир роты.

Над строем воцарилась тишина.

– Старшина!

Невысокий темноволосый парень по имени Юрий Данишевский выбежал с правого угла строя.

– Расписывай!

Это была обычная трапеза. Юра подходил к каждому курсанту, подсовывал книгу, где значилась его фамилия и наименование наряда. Курсант расписывался, и старшина шел к следующему. И так пока книга не заполнялась и каждый боец не получал свою личную задачу.

И конечно, Юра не прошел мимо нас.

– Я несколько не удивился вашей бездарности и безответственности, – сказал командир роты после оглашения списка. – Я устрою еще одну проверку! И так будет до тех пор, пока каждый из вас не научится убирать за собой свое дерьмо!

Он сделал шаг вперед и пошел вдоль первой шеренги. Он говорил с нами на предельно высоких тонах, и даже дневальные с пятого этажа высунули головы из окон, чтобы посмотреть на наше построение. Кому-то было смешно. Мы же большую часть сказанного в тот день, восприняли очень серьезно.

– В кубриках я нашел массу артефактов, таких как джинсы, гражданские рубашки, куртки и туфли. Все это неуставное барахло! Предупреждаю первый и последний раз! Одежда, не относящаяся к курсантской форме, должна храниться дома, в шкафу! В казарме разрешена только уставная форма, которая четко расписана на входе каждого из этажей нашего корпуса. И если кто-то из вас по каким-либо причинам не удосужится выучить эту часть устава, пеняйте на себя. Легкой жизни здесь вам не предвидится!

Командир роты дошел до последней колонны и развернулся.

– С завтрашнего дня ваше шмотье я начну выкидывать из окон. Можете сразу растягиваться в цепочку вокруг корпуса, занимать наиболее удобные места и ловить свои джинсы. Обрато вы их больше не принесете!!!

Он вышел на середину строя и продолжил уже более спокойным тоном:

– Надеюсь, я ясно изложил указание.

Строй молча взирал на своего командира. Даже курсанты, которые не попали в списки нарядов, были обеспокоены нововведениями. Все знали, что такое устав, но никто не думал, что командир станет следовать ему так четко.

– Не слышу!!!!?? – проорал мой дед.

Рота в один голос ответила:

– Так точно!!!

– Старшина!

Юра подбежал и протянул книгу.

– Все на месте, товарищ подполковник. Наряд до каждого доведен.

– Молодец, – пробормотал командир себе под нос. – Наряд по роте я жду на инструктаж в четыре часа десять минут. Хоть один умудриться опоздать, всех поставлю по новой. А сейчас... – его слова повисли в воздухе и обычный трудовой день продолжился.

После построения Олег и Игорь были раздосадованы больше обычного. Никто из них не планировал попадать в вечерний наряд, поэтому едва командир распределил личный состав на работы, они бросились в канцелярию. Такие ребята никогда не оставались в стороне. Их язык создавал им уважение среди сокурсников. Но больше всего меня удивляло то, что у них хватало смелости перечить кому угодно. И исключений в этом списке не имелось.

Наша пара заняла пост по обе стороны от канцелярии. Игорь заглядывал внутрь, а Олег потирал кулаки. Через пару минут к ним подключился еще один человек по имени Павел Мордаков. (Не сложно догадаться, как его называли товарищи). Парней мучили сомнения. Кому-то из них уже приходилось задабривать командира роты, и по опыту предыдущих дней они знали, что единственным средством, способным привести его в душевное равновесие, является спиртное. Хотя и оно помогало не всегда. Мой дед не любил подхалимов.

Я смотрел на парней и понимал, что та уверенность и чувство юмора, с каким они подбирались к Мише, исчезла. Они стояли в пасмурном настроении, покусывая губы и почесывая вспотевшие лбы. Близился серьезный разговор, и каждый из них представлял его по-своему.

Как мне казалось, двое из них вообще не знали, что говорить. И только у Игоря имелись нужные слова и продуманный план действий.

Дверь канцелярии открылась. Вышел старшина. Он перекинулся с ребятами парой слов, усмехаясь над выражениями их лиц. Сквозь шум казармы я услышал, как Игорь порекомендовал Юре далеко не уходить, потому что скоро тому придётся кроить наряд заново. Все трое зашли в канцелярию, но очень скоро вышли из нее. Юре не пришлось переписывать наряд, и ребят это растрогало. Игорь появился в кубрике первым.

Он сел рядом с Мишей, прижался к нему плечом и сказал:

– Мы же предупреждали тебя, что будет, если ты плохо уберешь кубрик?

В испуге Миша отсел от него. Игорь не растерялся и притянул его за рубашку к себе. Было видно, как сильно его заботил сегодняшний вечер. А точнее не сам вечер, а в чьей компании он его сегодня проведет.

В кубрик ввалился Олег. Его голова была круглой и красной, точно его покусали осы. После короткой беседы с командиром роты побагровела даже его лысина. Уши походили на два опаленных лопуха. Сказать, что Олег выглядел рассерженным, равносильно не сказать ничего. На фоне невозмутимого Мордака он смотрелся, как бык, сорвавшийся с цепи. Той походки, того рева и рвения к драке, хватило, чтобы понять, насколько Олег разъярен.

– Я тебе сейчас втащу, ублюдок!!!! – он ринулся к кровати, но между ним и Мишей внезапно встал Игорь.

– Подожди, – он сделал жест рукой.

Мордак остался у двери. Он учился с Олегом в одном классе, и прекрасно знал, чем заканчивается дело, если друг так взбешен. В одной руке он держал пакет, в другой сжимал папку. Вероятно, Мордак еще надеялся выскочить из кубрика, чтобы не видеть сцены очередных неприятностей. Когда раздался первый крик, он так лениво закрывал дверь, словно тому препятствовал сам звук. Он осторожно поставил пакет в угол, защелкнул замок и заслонил спиной маленькое дверное окошко, которое дедушка именовал очком безопасности. Я не знаю, насколько очко услужило нашей безопасности, но по пришествию года, из-за окна в наряде стояла большая часть роты.

Мордак занял пост у двери, а Олег ринулся на Мишу.

В тот момент я ещё мог как-то повлиять на события, но Олег был слишком разъярён, а переубедить Игоря было невозможно.

Олег не думал. Олег действовал. Он сделал шаг вперед и замахнулся. Первый удар не получился сильным, потому что ему пришлось изгибаться под верхней кроватью, но кулак попал в цель. Из носа Миши хлынула кровь, и белая рубашка мигом окрасилась в страшный цвет. Мальчишка схватился за нос и получил удар в живот. Боковины кровати ударили в стену. Игорь неохотно отодвинулся. Миша согнулся пополам.

– Вылезай, падла! – заревел Олег.

Миша лежал, не шелохнувшись. Олег снял рубашку.

– Вылезай! – он ударил по ножке кровати.

Я надеялся, что ножка не согнётся, но удар был такой силы, что сталь деформировалась, и кровать вскрикнула, как в предсмертной агонии. Мне стало понятно, насколько опасен Олег в бешенстве. Когда он улыбался, у меня был небольшой шанс сказать что-то наперекор судьбе, но сейчас любое действие могло повлечь за собой необратимые последствия. Я испугался, забился в угол и, молча, наблюдал за тем, как один более хлипкий гад пытался внедрить в голову другого какую-то идею.

– Постой, – Игорь выставил руку. – Я хочу, чтобы он знал, за что получает пиз...!

Олег с размаху всадил кулак в матрац.

– Ты посмотри на эту тварь! Какая разница, что он понимает своей тупой башкой! Я залетел из-за него в наряд!

– Я хочу поговорить с ним начистоту, – Игорь не повышал голоса, но говорил так твердо и уверенно, что Олег ненадолго остыл.

Ненадолго, не значит навсегда. Олег еще кипел. Его кулаки наливались свинцом. Он подошел к столу и с размаху ударил по крышке. Наши тетради и учебники тут же оказались на полу. Поверх всего полетела лампа и кружки. Лампа разбилась, оросив мелкими осколками пол. Кружки остались целыми лишь благодаря тетрадам. На середине стола появилась глубокая трещина.

Игорь не стал уделять этому внимание. Я думаю, что Игорь сам боялся попасть под горячую руку. В тот момент Олега боялись даже занавески на окнах, не говоря уже о людях, находящихся в кубрике. Игорь повернулся к Мише, и шлепнул его по щеке, чтобы тот открыл лицо.

– Из-за тебя, маленького заикающегося уродца, у меня меняется вечернее расписание, – начал он. – Вместо секса с очень привлекательной девочкой я должен буду стоять в па-па-патруле, – Игорь обхватил шею Миши и сдавил пальцы на лимфоузлах. – Как я должен себя чувствовать, говнюк?

– У меня сегодня тренировка по рукопашке! – Олег заглянул под кровать. Кулак был наготове. – А вместо этого я должен стоять в патруле!

– А у меня сегодня сладкая ночь с длинноногой блондинкой. Я клеил её целую неделю! И у кого, черт побери, более важное мероприятие?!

– Тогда влепи ему тоже! – Олег толкнул кровать и вдруг в кубрик постучали.

Все обернулись. Мордак отошел от окна. С его губ беззвучно сорвалось грубое ругательство, но адресовалось оно исключительно воздуху. По другую сторону двери стоял командир роты.

Обычно ни в один кубрик он не стучал. Казарма была его домом. Здесь он ел, спал, смотрел телевизор, и иногда ему было плевать, что происходит за гранью канцелярии и его комнатой отдыха. Сегодня что-то переменялось в его поведении.

Мордак неохотно потянулся к замку. Когда мой дед, кубрик словно оцепенел. Я слышал, как Мордак забился в угол и случайно толкнул свой пакет. Раздался звон, из пакета выкатилась бутылка, но Мордак так и не решился сунуть ее обратно. Игорь встал с кровати, заслонил собой Мишу и встретил командира роты, изображая верность и покаяние. Если бы у Игоря был хвост, он бы завилал им, как преданный пес. Краем глаза я видел разбрызганную по простыне кровь. Миша прикрыл ее подушкой. Свой нос он держал запрокинутым, будто только что закапал. Я не помню, как исчез из кубрика Олег. Это произошло мгновенно и бесшумно, и только балконная дверь качнулась в обратную сторону, точно ее толкнул ветер.

Командир роты вышел на середину и осмотрел помещение. Если бы он проверял так все кубрики роты, ему бы понадобился не один день, чтобы закончить начатое. Я подумал, что он что-то ищет, поэтому так обзревает и молчит. Все самое ужасное уже лежало на виду. Сломанный стол, разбросанные тетради, разбитая лампа, окровавленная простыня. Но он искал нечто похуже. И нашел. На полу рядом с нашей кроватью он обнаружил плевков, который оставил Олег, перед тем, как развалил стол.

– Как прикажешь это понимать? – он обратился ко мне.

Я безразлично пожал плечами. А что он мог придумать хуже наряда? Ничего. Но и в этом я ошибся.

– Где четвертый? – он повысил голос.

Я указал на балкон, потому что был уверен, Олег ушел именно туда.

– Ярофеев!!! – проорал он.

Его рев разорвал кубрик напополам. Я подумал, что стена, отделяющая балкон, обвалится, и Олегу не придется утруждать себя лишними движениями. Игорь вцепился в кровать, будто его утягивал ураган. Миша выронил подушку, которой прикрывал кровь. Мордак зажмурился, а я почувствовал, как по спине сползает большая капля пота.

Олег появился в дверном проеме.

– Вы что ошалели!!! – мой дед резко развернулся к Игорю, и я решил, что сейчас он ответит ему затрещину. Вероятно, Игорь тоже об этом подозревал. С его лица мгновенно стерся летний загар. Остались только темные пятна на скулах, характерные некоторым курильщикам раннего возраста. – Командир роты вошел! Какая команда должна подаваться, придурки!??

– Смирно, – промямлил Игорь.

С тем же успехом он мог кричать водителю трактора сделать мотор потише.

– По-твоему это команда? – Он подошел к Игорю вплотную, и я почувствовал, что ярость его затаилась, и если она вырвется, нас сотрясет еще больший гром, чем был минуту назад. – По-твоему это команда?

– Смирно, – позыв Игоря был похож на оклик пьяницы, которого жена не пускает в дом.

– Смирно!!!!!! – мой дед проорал ему в лицо. – Смирно!!! Недоумки!!! Когда вы научитесь уважать своего командира, тогда он станет уважать вас самих!!!

Из его рта брызнула слюна. Игорь вытер щеку и отошел к стене. Выглядел он, как после бомбежки.

– Какую задачу я поставил на построении?

– Навести в кубрике порядок, – ответил я, оглашая первое и последнее, что услышал перед тем, как старшина подсунул мне книгу.

– Что происходит сейчас?

– Мы убираемся, – вымолвил Игорь. – Уже начали.

– Ты держишь меня за идиота?

– Никак нет, товарищ подполковник. Просто мы только что зашли, и начинаем уборку.

Игорь ободрился. Мордак спрятался за его спину. Олег стоял у балконной двери и осматривал погром, устроенный своими руками.

– Я даю вам не больше часа устранить все недостатки, – приказал командир роты. – А завтра, вы начнете отмывать стены роты. Сверху до низу. От начала северного крыла до конца южного. Хлоркой.

– Товарищ командир, – отозвался Мордак. – Мы в патруле стоим. У нас свои обязанности. Это они... – он указал на Мишу. – За наряд по роте расписывались.

Мой дед явно этому удивился, но комментировать не стал.

– Мордаков! Какого черта ты здесь делаешь?

– Забежал на секунду тряпку взять, чтоб полы в кубрике помыть.

– Значит, за тряпкой пришел? – с порога кубрика он позвал писаря.

Канцелярия находилась напротив, поэтому писарь откликнулся почти сразу. Он принес книгу нарядов, и мой дед сделал в ней очередную поправку. Так халявный наряд в патруле для Мордака обернулся весьма ответственным дежурством в учебном корпусе. Теперь Мордак был рассыльным, и до пяти часов следующего дня ему точно не придется думать о том, как бы смыться с наряда и ничего не убирать. Он даже не сможет выбрать лучшую смену, потому как весь день проведет в компании дежурного по академии, который точно заставит его чистить мусорные баки в трех курилках, мыть палы на центральном входе, и бегать с различными указаниями от начальника строевого отдела до начальника военного факультета. Короче, Мордак влип, но это было еще не все.

– К тебе в кубрик я зайду в четыре часа, – сказал командир роты и пригрозил. – Если найду пыль на окнах или грязь на подоконниках, поставлю по новой.

Мордак расписался за наряд и отдал книгу писарю. После указаний он поплелся к себе, забыв про пакет с бутылкой.

– Ярофеев, – командир роты выдержал небольшую паузу. – Не пыли здесь. Думаешь, я не знаю, на что способна пустая башка.

Олег скупно улыбнулся.

– За уборку, товарищи! Все вместе за уборку! – мой дед хлопнул в ладоши. – Нет ничего лучше в бою, чем взаимопомощь четырех лучших друзей-танкистов.

Он удалился из кубрика, и все началось сначала. Олег забрался на кровать, и принялся руководить уборкой. Игорь взял телефон и вышел на балкон. А мы с Мишей убирались. Миша, потому что его заставляли, а я, потому что не мог смотреть, как он трудится один.

Глава 3

История о мальчике

С ноября Олег и Игорь стали заглядывать в кубрик реже. Командир роты перестал проводить вечерние проверки, довольствуясь лишь утренними и обеденными построениями, на которых доводился наряд и ставились задачи на ближайшее будущее. Иногда к нам приходил начальник строевого отдела. Он был моложе моего деда лет на десять, никогда не служил в горячих точках, и, не смотря на занимаемую должность, имел на погонах на одну звезду меньше. По отношению к нам, он ограничивался элементарной воспитательной работой. Дедушка его даже не слушал. Когда начальник приближался к нашему строю, он уходил в тень и курил, а когда начальник заканчивал, смотрел ему в след тем же унылым взглядом, каким провожали его все мы.

После четырех часов дня большая часть роты разбредалась по своим делам. Местных в казарме почти не оставалось. Иногородние стали чаще общаться друг с другом, и, наконец-то, почувствовали свободу. Как обернулось впоследствии, та свобода была весьма противоречивой.

В этот период начала выделяться группа курсантов, оказывающая на роту определенное влияние. В нее входили парни, чьим мнением заряжались окружающие, и чей авторитет подчеркивался обширным кругом друзей из других рот. Далеко не все из них имели огромные бицепсы, большой рост и умную голову. Но у каждого из них было высоко подвешен язык, и сохранялась непоколебимая уверенность в своих силах. Благодаря некоторым преимуществам своего характера в любом обществе они выглядели лидерами коллектива. На них смотрели, к ним прислушивались, с ними считались.

Их присутствие имело непосредственное значение для командира. Мой дед, как никто другой, понимал, что лучше всего подчинять роту теми, кому все доверяют. В этом списке не хватает одного важного определения. Наравне с тем, как их боготворили, их еще и боялись. И главный недостаток этих ребят заключался в том, что рота под их влиянием все время пребывала на грани дозволенного. Проще говоря, они могли пустить, как положительную волну, так и отрицательную. Пока одна волна накрывала другую, рота балансировала.

Со временем командир все больше привлекал новоиспеченных лидеров к управлению ротой. Он выкладывал на них ответственность, и ему не было дела до того, как они доведут его указания до курсантов. Он заранее знал, каков будет результат. Со стороны все смотрелось почти идеально. Только изнутри ротой все больше овладевало безрассудство, драки и унижения. Лидеры старались выполнять свою работу качественно.

В один из сумрачных осенних дней того года, когда дождь не пустил нас на ужин, а ветер так сильно завывал за окнами, что в кубрике колыхались занавески, мы с Мишей писали свою первую курсовую работу по математике. Курсовик шёл туго. Школьная математика не входила ни в какое сравнение с тем, что преподавали в академии. Каждый из нас изначально умел решать квадратичные уравнения, логарифмы и производные. Но в академии даже делая то же самое, мы натыкались на вещи, которые никак не получалось понять. Миша хорошо разобрался в матрицах и помог мне сделать пару заданий. Дальнейшие действия оказались слишком сложными. В девять часов вечера я послал всё к чертям, захлопнул учебник и улёгся на кровать.

Миша передвинул лампу на другую часть стола, чтобы свет не бил мне в глаза. В этот момент в дверном окошке показалась голова. Я не успел увидеть, кто именно это был.

– Ты видел? – я ткнул пальцем на дверь.

Не поворачивая головы, Миша кивнул:

– Это Рома.

– Пискун? Откуда ты знаешь?

Миша встал из-за стола, подошёл к двери и отпёр замок. Выглянув в коридор, он кого-то окликнул:

– Что-то хотел?

– Нет, – ответил Рома.

Я узнал его.

Свою фамилию он более чем оправдывал. Голос у него был тонким и ритмичным, как игра пианино. И я подозревал, что таким вокалом он мог неплохо зарабатывать себе на жизнь. Но Рома не умел петь, не умел танцевать, и не любил повышенного внимания. С кубриком ему повезло не больше, чем нам с Мишей. Мой дед поселил его к ребятам «сорви голова», которые уже в первый день знакомства нарекли его несколько иначе, заменив всего одну глухую букву в его фамилии на другую звонкую.

Вернувшись к столу, Миша вдруг рассмеялся.

– Сегодня у них была небольшая потасовка, – сообщил он. – Т-твой дед поставил их всем кубриком в наряд, за то, что на столе кто-то оставил пачку презервативов. Рома сказал, что он рвал и метал!

– Ого! – воскликнул я. – Юру тоже поставили?

– Нет. Только Баха, Рому и Мордака.

– А кто оставил презервативы?

– К-конечно, Юра!

– Так не справедливо, – заметил я.

Иногда Юра представлялся мне скользким змеенышем, способным пролезть в любые щели. Причиной тому был командир, который его постоянно прощал. Пожалуй, во всей роте найдется всего два-три человека, к кому мой дед относился подобным образом. Писарь Серега, старшина Юра и Егиазорян Андрей, не являющийся ни старшиной, ни писарем, ни кем бы то ни было. С отцом Андрея дедушку связывали дружеские отношения. По слухам они пересеклись в одной из войсковых частей и вместе попали под конвой во время вывода войск из Афганистана.

Стоит добавить, что писарю мой дед доверял ключи от канцелярии. А так как в канцелярии находились ключи от всех дверей, расположенных на нашем этаже, писарь имел над ротой мнимую власть. К счастью, он ей не пользовался и не имел привычки оставаться в казарме после обеденного построения.

– Рома сказал, что Юра во-время из к-кубрика смылся. Бах был очень зол, – продолжил Миша.

– А кто их расписывал?

– Писарь. Серега принес книгу. Там Бах увидел что их фамилии в списке, а Юры нет и понеслась... Началось что-то вроде нашего разбора. Помнишь, как Олег мне припечатал?!

– Еще бы!

– Бах т-так же Рому чуть не припечатал. Считай ни за что!

Я знал, что Саня Бахматов, вопреки своему горячему нраву, никогда не занимался рукоприкладством в роте. В его голове еще имелся стоп-кран, срабатывающий перед тем, как правообладатель выходил на опасный путь. Бах, в отличие от Олега, понимал, что за драку его могли выгнать из казармы. А так как он являлся иногородним, для него это имело большое значение. Рому он только запугивал. Психологического давления хватало, чтобы парень следил за кубриком, делился едой, и всячески показывал свое уважение товарищам.

– Юра до сих пор не появлялся. Интересно, что он скажет им завтра? – Миша отложил учебник и задумался. – Как думаешь, твой дедушка сказал что-нибудь Олегу п-после того случая?

– Сказать может и сказал, но сделать ничего не сделал.

– А ты бы что сделал?

– Таким отморозкам одна дорога – в армию. Я бы накатал на него рапорт и отчислил.

Но дедушка так не поступит...

– П-почему?

– Он любит воспитывать. И его воспитание отличается от того воспитания, что дают нам папы и мамы. Я это давно понял. Дедушкино воспитание – это испытание силы воли. Вытерпишь его издевательства, значит, способен жить в этом мире, не вытерпишь, значит...

– ...не способен... – договорил Миша. – Вытерпел – способен, не вытерпел – не способен. Как просто!

– Не думай об этом.

Но Миша не хотел заканчивать разговор. Он смотрел на меня, словно впервые увидел олицетворение правды. Такими глазами приговорённые к смертной казни смотрят на толпу зевак. Они не видят перед собой людей. Вместо людей вокруг только тени бездыханно колышущихся тел. Молчание продолжалось некоторое время, после чего Миша спросил:

– Ты слышал историю о мальчике, который спрыгнул с крыши нашего корпуса?

Я привстал. Миша сидел на стуле, отсвет лампы падал ему на лицо, и его щёки словно горели. Если бы не тьма за окном, я бы подумал, что на нём отражается закат.

– О каком мальчике?

– Это случилось в двухтысячном году. Никто т-точно не знает, что с ним произошло.

Говорят, что он был из неблагополучной семьи.

– Первый раз слышу?

– Его отец... – Миша пересел на кровать Игоря. – Служил на подводной лодке «Курск».

Я помнил судьбу, постигшую «Курск» на первых учениях моряков. Когда случилась трагедия, мама не выключала телевизор до позднего вечера. Мы смотрели только один канал. «РТР». Остальное телевидение для нас не существовало.

– Он не вернулся из рейса, – Миша потянулся к лампе и придавил колпак к столу. Свет в кубрике померк.

– Кто тебе рассказал?

– У меня есть друг из роты судоводителей. Его брат учился с тем мальчиком в одной группе.

– Он сказал что-то ещё?

– Он с-сказал... эту историю лучше не распространять, потому что к-каждый, кто услышит, рассказывает её со своими подробностями. Я тоже считаю, что это нехорошо. Но я рассказал про него тебе не поэтому.

В тот момент я еще не заметил, как сдвинулся лед на реке, называемой судьбой. Я воспринял эту историю, как необратимое представление жизни другого человека, которая никогда и ни при каких обстоятельствах не коснется нас самих. В ней не было ничего удивительного. Просто один парень пошатнулся на очередном испытании и упал. А потом его подняли. Мертвого. Мало ли таких?

Но я в очередной раз ошибся.

– Тот мальчик приснился мне вчера ночью, – Миша наклонился ко мне, и от его шепота я покрылся гусиной кожей. – Мы стояли на парапете и смотрели вниз, на асфальт.

Он опустил голову, словно высматривая под кроватью частицы асфальта, увиденного во сне.

– Что было потом?

– Он сказал мне... – тут Миша замкнулся.

Он поднял на меня глаза, и я рассмотрел испуг, вобравший в себя слишком много действительности. Я понял, что Миша запомнил его слова, хотя сокрытое во сне, как правило,

навсегда остается во сне. И я решил, что те слова оказали на него не менее тяжкое веяние, нежели то, какое оказывает на нас командир роты.

– Он сказал, чтобы я сделал так же... – выговорил Миша, и я прочитал в нем: «К чему все это?»

Уже тогда я заметил одну яркую особенность. Миша пытался найти ответы на свои вопросы с таким упорством, словно искал в реке золото. Если оступался, он глубоко осознавал каждую из своих ошибок. Раны от них уродовали его душу. Происходило это медленно и бесповоротно. Силы его не восстанавливались и уходили, как газ из выхлопной трубы. В тот вечер, я впервые поймал себя на мысли, что Миша будто бы искал путь, как общаться с мертвыми. Это была его идея, очередной вопрос и очередная задача.

– Мы смотрели вниз на асфальт, и он сказал, чтобы я сделал шаг.

Я молчал.

– Я точно помню его слова. Он сказал: «Вперед! Ты должен!».

– Замечательно! – изрек я и заглянул под кровать. – А *он* случайно сейчас не здесь?

Миша поднялся и подошел к балкону. Он глянул на горы и, не оборачиваясь ко мне, сказал:

– В роте скоро произойдет что-то очень плохое. Ужасное. Оно коснется всех. Тебя, меня, твоего деда, академию. Оно затронет весь город, потому что об этом станут говорить люди. И *он*... знает что. Но он мне не говорит.

– Мишаня, не бери в голову! – отбросил я. – Сон есть сон. Если ты будешь думать об этом каждый день, через пару лет ты станешь старым и больным. Я уверен, что тот мальчик приснился тебе первый и последний раз.

Мне очень хотелось поверить своим словам, но, я сам понимал, насколько они пусты.

– Нет, – промедлил Миша. – Он специально не говорит мне. Он хочет, чтобы это случилось.

Больше Миша ничего не сказал, и я не поддерживал его тему. Через час мы легли спать. В кубрике было тихо, спокойно и тепло.

Глава 4

Личности

Свыкнуться с постоянными нарядами по роте было невозможно. Я смотрел на тех ребят, которые меняли нас и сдавали нам вахту, и видел в них очевидную разницу. Причиной тому были мы сами. Мы создавали себе проблемы, потому что не умели дружить. Многие из нас меняли дружбу на партнерство, подразумевающее совсем другой подход к элементарным вещам. Одни ребята принимали наряд легко, другие докапывались к каждой пылинке, а иногда изображали командира роты, идущего по коридору с белым платком в руке и выискивающего самое глухое место, куда можно было бы этот платок засунуть. Платок грязный – наряд не принят. На первом курсе, в эпоху многовластия, такие подходы настолько изматывали душу, что хотелось застрелиться.

А было ли в тот период время для учебы?

Вероятно. Но не у нас.

Получалось так, что тот, кто хотел учиться, стоял в нарядах, а тот, кто не стоял в нарядах, учиться не хотел. Иногда нам даже не у кого было переписывать лекции. Рота жила по странному распорядку. Подчиняясь командиру, мы тратили время на бесконечные приборки закрепленных территорий, наряды и прочие мероприятия, мешающие учиться. А после этого сам командир доводил до нас приказы о наказании курсантов, пропуская занятия и лишившихся возможности сдать дисциплины вовремя. И большинство проблем усугублялось тем, что мой дед назначал ответственных за эти мероприятия тех людей, с которыми вообще сложно о чем-либо говорить.

К декабрю, загибая пальцы, я мог насчитать с десятков выродков, кого командир роты использовал, как рычаги давления на обычных курсантов. Трое из них входили в группу совершенно необучаемых людей. И именно они шли вверх. Именно их командир награждал властью старшин взводов и их оставлял за себя, когда ему требовалось передохнуть. Они приказывали нам, что делать, и мы им подчинялись. А если говорить прямыми словами, мы боялись их силы. Мы боялись их разозлить, потому что в порыве злобы они себя не контролировали. Те курсанты выглядели обычными людьми лишь с поверхности. Там, «где садилась пыль». Внутри себя они были жестоки и ненавистны, и ни я, ни кто-либо другой не смог бы ответить на вопрос, что они здесь забыли. Учеба никогда не входила в их планы.

Пару недель спустя, после того случая, когда Миша рассказал мне свой сон, мы крепко спали в тишине своего кубрика. Никто из нас не думал, что наши соседи уже поднимаются по лестнице, головы их трещат от крепкой выпивки, а позади них стучат чьи-то звонкие каблучки. Тишина постепенно рушилась, крики и смех становились все ближе. Даже дневальный, дремавший за столом, поднял голову и мысленно помолился, чтобы ребята шли не на четвертый этаж. Но ребята направлялись именно туда, и, как только один из голосов донесся до него в полном объеме, он понял, сегодняшняя ночь обещает быть жаркой. Через несколько секунд дверь загрохотала, и приключения начались.

Я спал так крепко, что яркий свет, ворвавшийся в сон вместе с громким шумом, едва не скинул меня с кровати.

Первым в кубрик ввалился Олег. Мимо кровати проплыла его голова. Затем все ненадолго стихло, и я подумал, что Олега просто поставили в наряд, и он, пропустив развод, пришел к своей смене. Когда парни приходили поодиночке, они вели себя тихо. Игорь вообще мог зайти в кубрик, не включая свет. Чтобы переодеться в курсантскую форму, ему хватало освещения из коридора. Олег... поступал по-разному.

Но сегодня был не тот случай. Сегодня каждый из ребят выпил столько спиртного, что вряд ли утром вспомнит вчерашний день. Такое состояние было актуальным для курсантов

морской академии. Конечно, от широкой общественности это скрывали, но то, что происходило на самом деле, никаким ластиком не сотрешь. Мы с Мишей это знали.

Олег прошел мимо кровати, и я услышал, как он скрипит балконными ручками, спяну, не зная, куда их повернуть. Дверь не поддавалась до тех пор, пока он не грохнул по ней ногой. От удара переднее стекло разлетелось, и на шум прибежали остальные ребята вместе с дневальным.

– Что ты делаешь, debil?! – обратился к нему Игорь.

Олег сумел справиться с ручкой и внутренняя дверь открылась. Игорь помог открыть наружную, и Олег с визгом, наступая на разбитое стекло, выскочил на балкон. Там они закурили. В кубрик ворвался зимний сквозняк. Ветер за несколько минут выдул в коридор весь теплый воздух.

В то время как Олег и Игорь стояли на балконе, в коридоре продолжался разговор между дневальным, Мордаком и девушками. Дневальный, теряясь в своих словах, пытался доказать, что ему влетит, если девушек застукает дежурный по академии. А, так как время близилось к часу ночи, он предполагал, что именно сейчас на этаж поднимется проверяющий. Каждый из нас знал, что девушки в казарменном помещении ведут к большой беде в первую очередь суточный наряд и во вторую тех, кто их привел, но Мордака это нисколько не смущало. Он даже посмеивался над тем, как дневальный пытался доказать свою правоту. Парнем он был нерешительным, и Паша Мордаков от него ничего искусного не ждал. Девушки, напущенные предосторожностями незнакомого мальчика, больше опирались на поддержку друга. А уж Мордак, хитрец и подлиза, знал, как разруливать такие вещи.

Вскоре вся группа зашла в кубрик, дверь закрылась, и я почувствовал, как на нас с Мишей опустился туман. Терпеть больше не было сил.

– Ребята, час ночи, – я сел на верхней койке, прищуриваясь от яркого света.

В совокупности с таким числом гостей кубрик казался очень маленьким. Девушки тоже были пьяны.

Подсознательно девушки знали, когда их приводят в компании незнакомых людей, они должны это знакомство провоцировать. Но сейчас был не тот момент. Мы спали. Как вдруг, будто разорвалась бомба. Возможно, кто-то из них почувствовал несправедливость. Светловолосая высокая девушка даже не решилась отойти от порога, точно кубрик вызывал у нее отвращение. А ее подруга с короткими кудрявыми волосами прижалась к ней как дочка. Зато рыжая красавица, ведомая под ручку Мордаком, прошмыгнула на балкон и закурила с остальными ребятами.

Настала долгая минута. Миша молча лежал на кровати, я сидел на своей, дожидаясь их возвращения. Девушки перешептывались, поглядывая на столы, заваленные книгами. Справа от входа у нас висело зеркало, и на некоторое время они нашли себе занятие. Пока девушки копошились возле зеркала, я обнаружил большой пакет на кровати Олега.

В кубрик вернулся Мордак.

– Ша я столик организую, – он пробежался по скромной территории, прикидывая, какой из двух столов легче вытянуть. – У моих братиков не всегда все под рукой. Садитесь тут и будьте как дома.

Они сели на кровать Игоря. Мордак аккуратно (что значит подлиза) сложил все учебники с одного стола на другой и выдвинул на середину. В этот момент я понял, что конец близок, и где нам с Мишей предстоит сегодня ночевать, большой вопрос.

Мордак достал бутылку коньяка.

– Паш, мы точно никому не мешаем? – спросила длинноволосая блондинка, обращаясь к своему другу так, словно он решал здесь все.

Мордак понял суть дела и подмигнул мне.

– Это наши пацаны. Они хорошие.

Я едва сдержался, чтобы не послать его. Улыбка подлизы провоцировала столько злости, что я на мгновение позабыл об Олеге и Игоре. Мордак был тихим пареньком, но своими повадками он похищал в людях энергию. Его толкали и частенько мутузили, но это ничуть не мешало ему вести роскошный образ жизни. Еще бы – ведь в его карманах лежали деньги. Заряженный паренек – как про таких говорили в то время.

– Все нормально, – он похихикал себе в кулачок. – Это Олег сказал, чтобы мы сюда шли. Я-то не хотел. Поэтому к нему все вопросы.

«К нему все вопросы, – просвистело в моей голове. – Если бы все вопросы с Олегом решались так просто!»

– Если хочешь, я могу дать тебе ключ от своего кубрика. Там поспишь.

– А Миша?

Он пожал плечами.

В его предложении была искренность, и на секунду я даже задумался, много ли в Паше говна на самом деле. Его глаза смотрели с преданностью и добротой, точно пытались спасти. А за ними что-то было. В таких парнях, за глазами всегда что-то есть, но стоит обернуться к ним спиной, «оно» выскакивает, и только держись!

– Я бы мог предложить ему кровать Юры. Но... сам понимаешь... Юра не любит, когда на его кровати спит кто-то другой. Он взбесится, если узнает. А ребята из моего кубрика ему все доложат. Потом он будет орать на меня, что я разрешил. Я не хочу портить с ним отношения. Мы братики.

Они так называли себя. *Братики* – значит друзья с особой долей уважения.

В кубрик вернулся Олег.

– Холодно! – прохрипел он и увалился рядом с Мишей.

Я услышал, как простонала кровать, переняв вес стокилограммового тела.

Игорь зашел вместе с подругой.

– Давайте-давайте уже, – он замахал руками как дирижер, подружка захихикала, и вся компания накатила по первой.

Как только они поставили стаканчики на стол, а Мордак принялся разливать по второй, я обратился ко всей компании:

– Вы больше не нашли мест, куда прийти?

С первого раза меня никто не услышал. Олег от удовольствия запрыгал, Игорь не сводил глаз с рыжей подружки, Паша делал вид, что очень занят, и только две девушки переглядывались между собой, не зная, как поступить.

– Эй, вы слышите?! – заорал я и спрыгнул с кровати. – Больше не было мест, где...

– Заткнись! – прохрипел Олег.

– Что хочет Денис? – осведомился Игорь, разглядывая меня сверху вниз.

– Денис хочет спать, – ответил я, чувствуя в себе невероятную злость.

Но я сдержался и сказал:

– Спать хочет не один Денис.

– Деня, замолкай. Шум такой поднял, будто инопланетяне прилетели. Не пугай девушек, – посоветовал Игорь.

Олег криво улыбнулся.

Мне показалось, что его улыбка охватила огнем весь кубрик, столько в ней было жеманности и злорадства. Олег знал, кто сейчас командует. И все-таки в его сегодняшнем пришествии что-то кардинально изменилось. Его голова мотылялась из стороны, как на шарнире, а глаза не могли остановиться на одной точке.

– Кто тебе мешает? – выдавил Олег.

– Вы! – выкрикнул я. – Вы нам мешаете! Вы пришли среди ночи!

– Слышишь, парень, – вставил свое слово Игорь. – Так-то это не только твой кубрик. Ясно? Это и наш кубрик тоже.

– Вы в нем только сретете! Больше вы для него ничего не делаете!

– Я тебе сейчас втащу, – протянул Олег и вскочил с кровати.

Но тут его потянуло вправо. Он успел схватиться за стул и удержать равновесие. В полусогнутом положении он простоял несколько секунд, потом стул его отпустил. Олег покачнулся и попер на меня, вроде того, как несется ядро крана к стене дома, приговоренного к сносу. Я увернулся и отскочил в сторону. Теперь пришла очередь держать стол. Сначала его задел Олег. На пол полетели все стаканчики, а бутылку каким-то чудом спас Мордак. Потом стол задела девушка Игоря, самоотверженно хватая Олега за рубаху и пытаясь остановить, чтобы он не завалился на других девочек. Я уже находился по другую сторону стола, где внезапно очутился Игорь.

– Прекрати!!! – заверещала девушка и повисла у него на спине.

– Стой! – как обычно без паники произнес Игорь.

Олег замер то ли подчинившись девушке, то ли узнав перед собой Игоря.

Игорь повернулся ко мне и с ухмылкой нахлобученного смельчака сказал:

– Видишь, что ты наделал. Ты расстроил моего друга, напугал девушек, наварил столько шума, – он положил руку мне на плечо. – Неужели так сложно понять, что ребята отдыхают. А когда взрослые отдыхают, детишки что делают?

Игорь глянул на Мишу.

– Детишки покакали и спать. Понял?

Девочки поддержали его речь смешками. А его подружка, слезла с Олега и утерла выступившую слезинку.

– Деня, давай забирайся на свою койку, зарывайся под подушку и спи, – он зажмурился, а мне впервые в жизни захотелось плюнуть кому-то в лицо. Так сильно он меня разозлил.

– И друга своего захвати, – Олег потер голову, в которой уже все плыло и колосилось. – Ми-и-и-шаню.

Игорь глянул на нижнюю кровать.

Миша плотно придвинулся к стенке. Вероятно, ожидал, что Олег вернется.

– Ми-и-и-шаня! – окликнул он. – А ну лезь наверх. Тут взрослые сидят.

Его тон не снискал никакой грубости, но Миша тут же выполнил приказание. Он выполз из-под одеяла через торцевую часть кровати и стал позади меня. Рыжеволосая девушка уткнулась своему парню в плечо и тихонько засмеялась. Сам Игорь был невозмутим.

– Мишаня!

– Отстань от него, дебил! – вступился я.

Игорь вспыхнул. Его подбородок опустился вниз, точно забрало рыцаря перед атакой. Он вобрал голову в плечи, и его шея стала такой толстой, что ее не обхватил бы даже Олег. Смотреть на него сейчас было страшно и смешно вот почему

Я никогда не видел Игоря в драке, но сейчас был готов поспорить, что между нами завяжется бой. Он смотрел на меня, как бык. Не помню случая, чтобы Игорь вытравливал так кого-то со своей дороги.

– Что ты сказал?

– Я сказал, отстань от него, дебил!

Мой возглас, должно быть, услышал дневальный. За дверью раздались шаги.

– Мальчики, перестаньте! – попросила маленькая девочка с кудрявыми волосами.

Ее голос не разорвал горячую линию. Игорь хмыкнул. Он не занимался боксом и рукопашным боем, как Олег, и я подозревал, что его познания в драках заканчиваются лишь условными оскорблениями. Где-то Игорь не раз попадал в передряги, потому как представлял собой

парня, задающего слова. Но его общение было его пределом, а его авторитет – защитой. Я знал, что он не полезет драться первым, и ждал.

Одна секунда... две... три...

– Ты хочешь, чтобы тебе влепили, сопляк? – спросил он, сжимая кулак. – Тебя не трогают в этом кубрике, ты этого еще не заметил? Ты хочешь, чтобы к тебе относились как к черту?

Он говорил раскрепощено и уверенно. Это были его первые удары. Удары по печени, по почкам, по лицу. Удары сыпались.

– Я тебе это устрою. И мне по херу, что твой дедушка – командир роты! Я просто сделаю тебя чертом! Понял!??? Об тебя все будут ноги вытирать!

– Не запугивай меня, – произнес я. – Мне все равно. Я хочу, чтобы вы всей своей компанией убрались из кубрика и дали нам выспаться после наряда.

– Ты не говори за двоих. Мишаня, ты тоже хочешь спать?

Миша кивнул.

– А тебе не всадить за такой базар?

– Отстань от него! – произнес я.

– Заткнись! – заорал Игорь.

– О-о-ох! Что-то мне нехорошо, – Олег с трудом встал с кровати, и наконец я понял, почему он так вяло ввязывался в нашу стычку.

Олег добежал до балкона, но, так и не добравшись до окна, изверг из себя все что недавно ел и пил. Девушки прижались друг к другу. Подруга Игоря вытащила из сумочки несколько салфеток, взяла со стола бутылку воды и понесла на балкон. К тому времени Олег уже стоял на коленях. Руки и ноги его были забрызганы черной жидкостью, и сам он еле успевал вдохнуть, как его накрывал очередной позыв рвоты.

– Подождите, парни, – вступился Мордак. – Мы вас понимаем. Вы стояли в наряде, устали, все такое. В принципе мы можем пойти в комнату отдыха.

Игорь глянул на него, как на предателя.

– Пошел ты!

С балкона донеслись утрашающие звуки. Девушка поставила бутылку рядом с Олегом и повернулась к нам.

– Ребята, ему очень плохо, – ее голос дрогнул, и я подумал, что от испуга она сейчас заплачет.

– Понятное дело, перебухал, – кинул ей Игорь. – Сядь на кровать и не переживай! Через пять минут очухается, водички попьет, и дальше бухать будем.

– Не приказывай мне, что делать!

– Заткнись! Ты не дома!

– Что?

Мордак встал между ними и повернулся лицом к Игорю.

– Братик, мы же собрались хорошо провести время. Ты что, не помнишь?

– Не вмешивайся, осел!

Игорь схватил со стола сигареты и закурил.

– Э-э-э, брат! Ты почему со мной так разговариваешь!?

– Прекратите! – вмешалась девушка Игоря. – Вызовите кто-нибудь скорую помощь!

– Заткнись! – сигарета чуть не выпала у Игоря изо рта.

– Вызови скорую, болван! – взвизгнула девушка и замахала руками. – Он задыхается!

В дверь кто-то постучал. Впрочем, первый стук никто, кроме меня, не услышал. Я не поспешил открывать, и после первого стука прозвучал второй, который едва не разбил стекло в двери. Миша подбежал к замку и уже собирался открыть, как вдруг Игорь заорал.

– Стой, сука! Не открывай!

Миша повернул задвижку, и дверь распахнулась. Перед нами стоял дежурный по академии, а за его спиной наш дневальный.

Глава 5

Игорь уступает

Позже мне рассказали, что Олег и еще два друга, которые не пришли к нам в кубрик в ту ночь, игрались со спайсом. О спайсе я знал только то, что это довольно сильная дрянь, сотканная из разносортной химии и действующая около часа. Тот час, когда Олег чувствовал на себе наркотик, миновал, и по стечению обстоятельств он перенес его превосходно, из-за чего решил догнаться в кубрике. Олег не умел останавливаться. Он принял еще, и ему стало плохо. Его спасали в реанимации, куда не поспешил ни один из его преданных друзей. Девушки разбежались по домам, а Мордак и Игорь утром сдавали наркотест.

В ту ночь вспыхнул большой скандал. В казарму прибежал не только дедушка и начальник строевого отдела. Явился даже начальник военного факультета, что заранее предрешило судьбу Олега, Игоря и Паши. Никто из них не поступил на военный факультет, но двое, к всеобщему удивлению, продолжили учебу в академии.

Дни Олега были сочтены. Он даже не собирался использовать свой последний шанс. А шанс был. В нашей академии не все решали знания. Многие решали деньги. Но Олег не пошел в деканат, чтобы предложить начальнику факультета компромисс. Он ходил в столовую, пока ждал бумаги из строевого отдела, и навсегда исчез из роты.

Я видел его последним. Серое лицо, полное опустошения, но не страха. Он пожал мне руку, прощаясь так, будто мы были отличными друзьями. Я держался холодно и снисходительно, и мне показалось, что он это понял.

– Пока, брат, – сказал он.

– Пока, – ответил я.

В тот момент весь этаж вздохнул с облегчением.

Дверь захлопнулась, и в моем сердце что-то ожило.

Роту распустили 29 декабря на зимние каникулы. Но перед тем как курсанты покинули свои кубрики, командир известил имена тех, кто останется убирать казарменное помещение и кто заступит в наряды в течение зимних каникул. Мы с Мишей оказались сразу в двух списках. Но эта новость стала для нас не самой худшей в тот день. Хуже было представить то, что в одной компании с нами снова окажется Игорь.

Если умные учатся на своих ошибках, Игорь к таким парням не относился. Он был чутким и ему везло. Он был уверенным и с ним делились ответственностью. Он был харизматичным, и его уважали. Но он никогда не был умным. Может быть, в таких парнях, как Игорь, и должен проявляться подобного рода дисбаланс. Когда он явился с очередной девушкой, я был настолько поражен его наглостью, что едва подавил собственный крик.

31 декабря мы все вместе заступили в наряд. Я с Мишей по роте, а Игорь и Мордак в патруль. Первая смела патруля начинала дежурство в девять часов вечера. Игорь опоздал к ней на два часа. Увидев меня с повязкой дневального перед входом, он поздоровался, а потом представил своей девушке.

– Денис.

Имя девушки он не назвал, будто она была настолько известна, что в представлении не нуждалась.

– Привет, – она помахала мне ручкой, и они поспешили в кубрик.

Эта была уже другая девушка, нежели та, что сидела на коленках в прошлый раз, и я подумал, что Игорь заводит подруг вовсе не из-за любви к ним. Игоря тянул тот же полигамный набор чувств, что и скупающую бабку к болтовне. С девушкой было веселее.

На каникулах на нашем этаже было пусто, и каждый шорох раздавался, как в пустом ящике. Игорь отомкнул дверь своим ключом и пропустил девушку в кубрик. Дверь закрылась,

но чуть позже открылась. Вышел Миша. Следом раздался щелчок замка, и снова все стихло. Миша направился ко мне.

– Что случилось? – обратился я.

– Он п-попросил меня выйти на часик.

– На часик?

– Ну... т-там он не один.

– Я видел, с кем он пришел, – я прикрыл входную дверь и сел к столу. – В час ночи ты заступаешь на пост! Тебе надо отдыхать.

– Он попросил...

– Он попросил?

– Я подожду, нет проблем, – ответил Миша, и как ни в чем не бывало сел рядом со мной.

В отличие от Миши я не испытывал равнодушия к таким ситуациям. Меня наоборот распирало от несправедливости. Игорь ничего не делал для нас, ничего не делал для кубрика. С какой стати мы должны ему подыгрывать?

На столе лежала газета «Наш Новороссийск» со свежей статьей об игре «Черноморца» с Майкопской «Дружбой». Я попытался сконцентрироваться на ней, но у меня ничего не получилось. Перед глазами стоял Игорь, занавешивающий окошко полотенцем, а за ним молодая белокурая девушка, машущая мне ручкой.

– Ты боишься его?

– Он потом отомстит мне. Лучше так...

– Не бойся. Никто тебе не отомстит. В нашей роте был только один бесстрашный воин. Он уже в армии. Все остальные дорожат своим местом.

Я похлопал его по плечу.

– Ты же знаешь, что Игорь и Мордак сейчас на ниточке. Папа Паши немножко отмыл их репутации от той истории. Но отмыл, не значит, отчистил добела. Еще один косяк и им несдобровать. Ей Богу, если сейчас на этаж поднимется дежурный по академии, я не стану его прикрывать. Я поведу его к нам в кубрик.

– Но ведь т-тебе тоже достанется. Ты пустил их на этаж.

– Мне насрать. Я скажу, что не мог препятствовать. Дедушка все равно уже решил мою судьбу на последующие два года.

Я усмехнулся и почувствовал некоторое облегчение. Принимать, что тебе уже крышка всегда легче, чем искать какой-то выход.

Чем дальше я смотрел на тяжелый засов, тем ярче вспоминалась картина, как Игорь привел в роту девушку. Она не была похожа на шлюху. Обычная серенькая девица, не красавица и не длинноногая. И волосы ее не доставали до пояса. В нашей академии таких учился сотен пять, и никогда прежде я не заострял на них свое внимание. Но кое-что в этом было. Игорь и девушка – не разделимы. Игорю было всего семнадцать, а он уже имел такой сексуальный опыт, которого у меня не будет даже к тридцати.

Миша сидел рядом, и его ничего не беспокоило. Меня же трясло изнутри.

– Если бы я привел девушку в кубрик, ты бы ушел? – поинтересовался я.

– Это было бы здорово, – расцвел Миша. – Если бы у тебя п-появилась подружка.

– Почему только у меня?

– Не-е-е, – он помотал головой. – У меня не будет девушки.

– Почему?

– Не тот я человек, чтобы в меня влюблялись, – он усмехнулся, и я решил, что Миша в очередной раз смотрит на себя не с той стороны.

Таких парней тысячи, и каждый при мысли о девушках понимает, что в этой жизни ему суждено лишь радоваться за других. На большее ему не хватит ни удачи, ни смелости.

– Пойдем, – сказал я и встал из-за стола.

Миша поднялся, но когда понял, куда я направляюсь, снова сел за стол.

– Пойдем.

– Я не пойду.

– Ты даже не знаешь, куда я иду.

– Я знаю. Ты идешь к ним.

– Точно. Пойдем!

Моя настойчивость его победила. Миша поднялся и поплелся за мной. В тот момент я и сам не знал, что делаю, но мне очень хотелось показать ему правду. То, от чего он ушел. Нет, он ушел не из-за того, что боялся Игоря. И не из-за того, что Игорь его попросил. Он ушел, потому что просто не мог находиться с девушкой близко.

Я подошел к двери кубрика и громко постучал в стекло.

– Кто там? – грубо ответил Игорь.

– Открывай!

Странно.

Но Игорь послушался. Он подошел к окошку и выглянул из-за шторы-полотенца.

– Что хочет Денис?

– Открывай.

– Что тебе надо?

– Вахта закончилась. Я хочу отдыхать.

– Твоя вахта закончится через сорок минут, – пролепетал он.

– Когда закончится моя вахта – это мое дело. Я не спрашиваю у тебя, почему ты сейчас не на вахте?

– Слушай, братан, – забубнил Игорь. Его брови опустились, и он согнулся, как гопник. В такой позе Игорь говорил умные вещи, которые обычно действовали, и в которых никто не сомневался. – Я понимаю тебя. Я понимаю, что ты устал. Но мог бы ты немного погулять, пока я не закончу?

– Нет.

– Денис!

– Я хочу спать.

– А если дежурный придет?

– Мне плевать!

– Я тебя не узнаю.

– Открывай.

Игорь выдохнул. Планы рушились, и он занервничал.

– Десять минут дай!

– Нет. Открывай!

– Ты че, братан. Мы так дружить перестанем.

– Seriously?! А ты мне дал в тот раз десять минут?

– В какой раз?

– В тот раз, когда Олег чуть не откинулся на балконе!

– Тогда была другая ситуация.

– Открывай, – я грохнул по двери ногой.

– Э-э-эй! Потихе будь!

– Открывай!

– Пять минут!

– Открывай! – я пощупал штапики, удерживающие стекло в раме. Эти штапики уже дважды покидали свое место. Оба раза стекло разбивал Олег, и оба раза стекло вставлял я.

– Ну ты и сука, Денис.

– Верно. А теперь двигай замок. А то у меня ключей нет.

На секунду Игорь пропал, а полотенце опустилось на стекло. Он одевался. И девочке тоже пришлось одеваться. Потом дверь открылась. Я вошел внутрь и посмотрел на них обоих.

– Чаю хочу. Не могу больше сидеть.

– Пошел ты!

За мной зашел Миша, и, не медля, улегся на свою кровать. Я наполнил кружку водой и бросил в нее кипятильник.

– Как дела?

– Замечательно, – Игорь закурил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.